

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГОВОРЫ,

ПОВЪРЯ, СУЕВЪРЯ и ПРЕДРАЗСУДКИ.

**

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловіе.

- Что такое повѣря, суевѣрія, предразсудки и т. д. Какъ они возникли и развились. Повѣрья миѳническія.
- Значеніе повѣрій. Вредъ отъ нихъ. Совѣты какъ противостоять имъ.
- Взглядъ на иѣкоторыя суевѣрія: лѣшій, домовой, вѣдьма, русалки, оборотни и т. п.
- О гаданіяхъ. Знахарство. Заговоръ.
- Заговоръ отъ порѣза, заговорить кровь.—Дѣвицы отъ тоски.—Отъ задумчивости и печали. — Отъ ратнаго оружія.—Ратнаго человѣка, идущаго на войну.—Молодого человѣка на любовь дѣвицы. — На разженіе дѣвичьяго

серда —На прилученіе парня. —На остуду между молодцомъ и дѣвицей.—На остуду между мужемъ и женой.—На разлученіе.—Отъ нечистой силы.—Отъ змія, летающаго къ женѣ во дворъ.—Призываюше домового на новоселье.—Для успѣха на охотѣ.—На уженье рыбы.—Отъ пьянства.—Отъ запоя.—Отъ похмелья.—Отъ болѣзни лихорадки.—Отъ зубной боли.—Отъ грыжи и слазу.—При родахъ.—Отъ всякихъ недуговъ.—Отъ болѣзни и падежа скота.—На торговлю.—На подходъ къ начальству.—Дѣвицъ, желающихъ выйти за мужъ.—На покражу.

МОСКВА.

Типографія Н. Н. Булгакова, Солянка, д. Волкова.

1901.

164

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ
ЗАГОВОРЫ,
ПОВѢРІЯ, СУЕВѢРІЯ и ПРЕДРАЗСУДКИ.

Предисловие.

Въ предлагаемой книжкѣ мы намѣрены побесѣдоватъ съ читателемъ о народныхъ повѣріяхъ и предразсудкахъ.

Предметъ этотъ вовсе немаловаженъ, какъ кажется на первый взглядъ, а напротивъ, заслуживаетъ большого вниманія: если въ средѣ людей, считающихъ образованными и развитыми, нерѣдкость встрѣтить лицъ, ни за что не рѣшающихся выѣхать изъ дома въ понедѣльникъ или поздороваться черезъ порогъ, то что же сказать о простолюдинѣ, вся жизнь кото-раго проходитъ среди ложныхъ страховъ или напрасныхъ надеждъ, порождаемыхъ суевѣріемъ.

Понятно, съ другой стороны, какъ много вредить суевѣрный человѣкъ самому себѣ, своимъ роднымъ, близкимъ. Самыя благія начинанія правительства не разъ встрѣчали немалое затрудненіе или даже тупое сопротивленіе со стороны суевѣрной народной массы. Благодаря тому же пороку особенно трудно паstry-рямъ церкви вселять въ этой массѣ истинныя хри-стіанскія понятія. Поэтому всѣми силами бороться съ этимъ общественнымъ зломъ — прямая обязанность каждого просвѣщенного человѣка. Но какъ и чѣмъ съ нимъ бороться?

Давно и справедливо замѣчено, что главная при-чина того зла, о которомъ мы говоримъ, есть невѣ-жество, отсутствіе подчасъ самыхъ элементарныхъ

свѣдѣній и проистекающая отсюда невозможность со-
ставить здравое сужденіе о самыхъ обыденныхъ и
простыхъ вещахъ.

Отсюда ясно, что наиболѣе оружіе въ борьбѣ съ
суевѣріемъ есть печатное слово. Исходя изъ этой
мысли, мы и задались цѣлью показать нашимъ чи-
тателямъ весь вредъ, происходящій отъ суевѣрія, и
всю нелѣпость и неосновательность наиболѣе распро-
страненныхъ предразсудковъ.

Такова была наша задача, которую мы старались
выполнить по мѣрѣ силъ. Успѣшно мы это сдѣлали
или нѣтъ—представляемъ судить читателямъ; мы же
сочтемъ себя удовлетворенными, если эта книжка по-
будить кого-нибудь изъ нихъ поглубже задуматься
надъ нѣкоторыми безсознательно усвоенными съ дѣт-
ства понятіями и отстать отъ нелѣпыхъ, вредныхъ
и противныхъ христіанскому учению предразсудковъ.

Въ концѣ книги мы помѣстили нѣкоторые наибо-
лѣе распространенные заговоры, отчасти въ видѣ
иллюстрацій къ нѣкоторымъ нашимъ положеніямъ,
отчасти для удовлетворенія болѣе любознательного
читателя, лишенного, однако, возможности пользоваться
специальными сборниками, составленными учеными
людьми. При этомъ мы исходили изъ мысли, выска-
занной Далемъ, что „самому глупому и вредному
суевѣрію нельзя противодѣйствовать, если незнакомъ
съ нимъ“.

ГЛАВА I.

Что такое повѣрія, суевѣрія, предразсудки.—Повѣрія „мощенническія“ и т. д.—Какъ они возникли и развились.

Предметъ, о которомъ мы хотимъ вести рѣчь, многимъ можетъ показаться ничтожнымъ и неинтереснымъ. Мы беремъ на себя смѣлость сказать и доказать, что люди, которые такъ думаютъ, глубоко заблуждаются. Ошибка эта проходитъ отъ недостаточнаго знакомства съ предметомъ. Въ нашенъ обществѣ часто употребляютъ слова: повѣріе, суевѣріе, предразсудокъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ ихъ значеніи. Въ самомъ дѣлѣ, не случалось ли вамъ, читатель, встрѣтить людей, которые при разсказѣ о какомъ-либо странномъ, непонятномъ событии или явленіи, напримѣръ, о сбывающемся снѣ, восклицаютъ: „Какъ можно придавать значеніе подобнымъ пустякамъ, какое суевѣріе!“ А между тѣмъ сами боятся просыпать соль, встрѣтиться со священникомъ или не въ очередь перемѣнить при сдачѣ колоду картъ.

Такая странная непослѣдовательность происходитъ отъ недостаточно разумнаго отношенія этихъ людей къ своимъ поступкамъ, отъ привычки принимать тѣ или другія слышанныя ими съ дѣтства мнѣнія на вѣру, не относясь къ нимъ критически, наконецъ, отъ непониманія того, что такое суевѣріе или предразсудокъ и откуда они происходятъ. Итакъ, мы прежде всего попытаемся определить, что надо разумѣть подъ этими словами.

Повѣріемъ мы называемъ то или другое издавна существующее въ народѣ мнѣніе, въ основательности котораго убѣждены безотчетно, которое взято на вѣру и въ такомъ видѣ передается изъ рода въ родъ. — Отсюда видно, что повѣрія не всегда бываютъ выдумкой, ложью: иная изъ нихъ содержитъ въ себѣ истину, другія ложны въ самомъ основаніи своемъ или вовсе безмыслины.

Съ другой стороны, для всякаго здравомыслящаго человѣка очевидно, что между кошкой, перебѣжавшей вамъ дорогу, и имѣющимъ случиться съ вами несчастіемъ нѣтъ и не можетъ быть никакой связи, почему указанное повѣріе не что иное, какъ нелѣпая выдумка, не имѣющая никакого основанія—суевѣріе или предразсудокъ.

Послѣднія два слова означаютъ почти одно и тоже. Разница между ними только та, что предразсудкомъ обыкновенно называютъ суевѣріе, имѣющее характеръ и смыслъ предостереженія—указанія, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать. Напримеръ, мнѣніе, что не слѣдуетъ подавать другъ другу соли за столомъ, во избѣженіе ссоры—есть предразсудокъ. Иная суевѣрная или ложная мнѣнія имѣютъ характеръ предсказанія — тогда ихъ называютъ примѣтами. Однако, не все примѣты слѣдуетъ считать за суевѣрія: очень многія изъ нихъ вполнѣ основательны и имѣютъ свое объясненіе, особенно тѣ, которая относятся къ предсказанію погоды. Когда ласточки начинаютъ летать низко, надъ самой землею, крестьянинъ говоритъ, что это — къ дождю. И онъ не ошибается: эти миловидныя птички спускаются къ землѣ вслѣдъ за мельчайшими насѣкомыми, которыми онъ питается; а эти послѣднія, въ свою очередь, передъ дождемъ опускаются внизъ, ибо верхніе слои атмосферы бываютъ тогда слишкомъ насыщены парами, легко ощущимыми для этихъ мельчайшихъ созданій. Но народъ вѣритъ въ эту примѣту такъ же безотчетно, какъ и въ то, что передъ полученіемъ денегъ чешется правая ладонь, а передъ ихъ выдачей — лѣвая, что, разумѣется, есть простая выдумка. Но случись дѣйствительно такое совпа-

ление—и суевѣрный человѣкъ непремѣнно вспомнить объ этой примѣтѣ и еще болѣе увѣруетъ въ нее, забывая, что онъ ежедневно по нѣсколько разъ имѣеть дѣло съ деньгами безъ всяаго предупрежденія со стороны своихъ ладоней. Вотъ путемъ такихъ-то случайныхъ совпаденій, легко подмѣчаемыхъ суевѣрными людьми, и держатся въ народѣ самыя нетѣпныя примѣты и предразсудки. Между тѣмъ гораздо чаще случается, что дѣйствительность вовсе не оправдываетъ самыхъ „вѣрныхъ“ примѣтъ, но такъ какъ событие, которое должно было бы случиться, не произошло, то никто и не обращаетъ вниманія на такое несоответствіе дѣйствительности съ примѣтой. Такъ суевѣрно настроенный умъ склоненъ видѣть то, чего нѣть, и не замѣтить того, что дѣйствительно происходит, вслѣдствіе чего суевѣрного человѣка можно назвать ненормальнымъ, болѣнымъ, такъ какъ его умственныя способности работаютъ неправильно.

Ниже мы постараемся разъяснить весь вредъ, пропискающій отъ суевѣрія, для умственной и нравственной организаціи человѣка. Теперь же намъ предстоитъ отвѣтить на вопросъ, какъ возникли, развились и почему укоренились въ людяхъ различныя суевѣрія и предразсудки. Какъ ни страннымъ покажется это на первый взглядъ, но приходится сказать, что эти нетѣпныя и подчасъ вредныя заблужденія имѣютъ свой источникъ въ одномъ изъ лучшихъ и высшихъ инстинктовъ, заложенныхъ въ человѣка его Творцомъ—въ инстинктѣ любознательности. Мы не ошибемся, если скажемъ, что на немъ же основывается едва ли не все благополучие и счастіе человѣчества, ибо этотъ благородный инстинктъ руководить людьми, отдающими всю жизнь наукѣ, открытиямъ и изобрѣтеніямъ, обогащающимъ человѣка, дѣлающимъ его жизнь пріятною и облегчающимъ его борьбу съ природой, съ ея грозными явленіями. Правильно понимаемый, этотъ инстинктъ приводить къ наукѣ, искаженіе же его родить предразсудки и суевѣрія. Въ самомъ дѣлѣ, все, что для человѣка кажется загадочнымъ, страннымъ или по-

ражаеть его новизной, онъ, новинуясь этому инстинкту, старается объяснить, изслѣдовать, поставить въ связь съ другими, болѣе понятными или знакомыми ему явленіями въ природѣ или въ его собственной душевной жизни. Съ другой стороны, чѣмъ менѣе человѣкъ развитъ, чѣмъ бѣднѣе его запасъ научныхъ свѣдѣній, тѣмъ шире для него кругъ непонятнаго, загадочнаго и въ то же время тѣмъ менѣе у него средствъ объяснить и правильно понять это загадочное. Мы давно уже знаемъ, что гроза — молнія и громъ — не что иное, какъ электрическое явленіе, электрическій разрядъ, происходящій между двумя облаками или между облакомъ и какимъ-нибудь земнымъ предметомъ,—и не только знаемъ, но до нѣкоторой степени умѣемъ даже предотвращать гибельные послѣдствія этого грозного явленія природы устройствомъ громоотводовъ. — Но представимъ себѣ первобытнаго человѣка, этого жалкаго, беспомощнаго, едва прикрытаго зѣбринными никурами ликаря, бѣднаго умомъ и познаніями, какими были наши предки за много тысячелѣтій до нашихъ дней. Могъ ли онъ объяснить указанное явленіе иначе, какъ дѣйствиемъ какого-то всесильнаго, разгнѣваннаго существа, духа, обитающаго на облакахъ, передъ которымъ надо надать ницъ, котораго необходимо надо умилостивить молитвой и жертвами, чтобы онъ во гнѣвѣ своемъ не поразилъ слабаго человѣка своей мощной стрѣлой — молніей. Такъ является первоначальная религія, состоявшая въ почитаніи силъ и явленій природы, какъ бы живыхъ и могущественныхъ существъ, которыми населены небо, земля, вода, поля и лѣса.

Отсюда-то, изъ почитанія этихъ различныхъ языческихъ божествъ, и произошло вѣрованіе въ существованіе домовыхъ, вѣдьмъ, русалокъ, лѣшихъ, а также въ таинственную силу заклинаній, или, какъ теперь называютъ, заговоровъ, произносимыхъ нѣкогда жрецами, т. е. людьми, управлявшими во времена язычества религіозными, богослужебными дѣлами. Если читатель потрудится просмотрѣть нѣсколько заговоровъ, приведенныхъ здѣсь въ видѣ прибавленія, онъ

увидить, что въ нихъ до сей поры, рядомъ съ христіанскими понятіями, попадаются странныя, мало ионятныя слова или обращенія, сохранившіяся со временъ языческихъ. Прежнее вѣрованіе въ способность жрецовъ, съ помощью боговъ, исцѣлять болѣзни, сохранилось до нашихъ дней въ видѣ вѣрованія въ колдуновъ, знахарей и знахарокъ.

Обо всемъ этомъ будетъ болѣе подробно сказано ниже; здѣсь же мы только хотѣли указать общей источникъ различныхъ повѣрій. Источникъ этотъ есть любознательность, не находящая себѣ правильного удовлетворенія по причинѣ невѣжества и укоренившейся привычки довольствоваться самыми нелѣпыми объясненіями, принятыми на вѣру, „на слово“, безъ самостоятельного изслѣдованія и изученія предмета. Само собою разумѣется, что все, что мы говоримъ сей-часъ, есть только самое общее указаніе на причину происхожденія повѣрій и предразсудковъ. Но они столь многочисленны и разнообразны, что одного этого общаго указанія было бы недостаточно: слѣдуетъ нѣсколько ближе ознакомиться съ происхожденіемъ повѣрій, чтобы лучше знать истинную цѣну многихъ изъ нихъ, и чтобы читателю было болѣе ясно послѣдующее изложеніе.

Вопросъ о происхожденіи повѣрій вовсе не такъ простъ, какъ это можетъ казаться. Однако, многое въ этой области сдѣлалось уже яснымъ благодаря трудамъ и изслѣдованіямъ ученыхъ любителей старины. Какъ видно изъ предыдущаго, повѣрія идутъ изстари, съ незапамятныхъ временъ языческихъ, но многія изъ нихъ исчезаютъ, частью потому, что вымираютъ, т. е. забываются народомъ, частью потому, что люди становятся все развитѣе и, проникаясь христіанскимъ ученіемъ и обогащаясь научными познаніями, перестаютъ придерживаться прежнихъ предразсудковъ, теряя въ нихъ вѣру. Поэтому любители старины, люди ученые, записываютъ ихъ въ особые сборники, чтобы сохранить ихъ отъ исчезновенія, сравниваютъ повѣрія разныхъ народовъ между собою и, находя въ нихъ много общаго, объясняютъ это ихъ общимъ

происхождениемъ еще въ тѣ стародавнія времена, когда каки-либо два или нѣсколько народовъ жили еще вмѣстѣ, какъ одно племя. Главное же стараніе ученыхъ направлено къ разъясненію того, какъ именно возникли и какимъ путемъ передавались и сохранились повѣрія. Однако, такое изученіе началось еще не такъ давно, и много здѣсь еще неизвѣстнаго и непонятнаго даже для ученыхъ специалистовъ. Поэтому мы не обѣщаемъ читателю подробнаго разсмотрѣнія отдельныхъ повѣрій, и раздѣлимъ ихъ, по ихъ происхожденію, на нѣсколько большихъ группъ.

Прежде всего огромное множество повѣрій и предразсудковъ представляютъ собою, какъ уже объяснено выше, остатокъ и какъ бы памятникъ язычества. Эти повѣрія, начало которыхъ теряется въ самыхъ отдаленныхъ временахъ и часто не можетъ быть даже разыскано учеными людьми, сохраняются однако, хотя и въ искаженномъ видѣ, въ памяти людей и держатся въ народѣ въ силу простой привычки, которая, какъ говорится, составляетъ „вторую природу“ — особенно у людей недалекихъ и неразвитыхъ. Такіе люди не только не склонны отставать отъ старыхъ заблужденій, но обыкновенно даже оказываютъ сопротивленіе при всякой попыткѣ упразднить какой-либо старый, хотя и безсмысленный, обычай.

Къ такого рода повѣріямъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ язычеству, относится вѣрованіе въ русалокъ, домовыхъ, вѣдьмъ и другихъ фантастическихъ существъ, якобы обитающихъ въ водѣ, въ домахъ, лѣсахъ. Язычники не знали единаго истиннаго Бога, а поклонялись силамъ природы, отъ которыхъ зависѣла вся судьба ихъ, такъ какъ они еще не умѣли бороться съ грозными явленіями природы. По ихъ понятіямъ, громъ и молнія, дождь и ведро, бурю или затишье послыаетъ то или другое божество, изъ которыхъ каждое вѣдало какое-либо явленіе въ природѣ и управляло имъ. Такимъ образомъ, божествъ было великое множество: рѣки, лѣса, поля, горы — все это, по понятію древнихъ людей, было населено богами. Въ этихъ боговъ вѣровали и наши предки —

славяне, пока были язычниками, т.-е. пока не приняли христианства, крестившись по примѣру своего князя св. Владимира. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе тысячи лѣтъ — и что же? Никто изъ русскихъ людей не назоветъ себя язычникомъ, всякий устыдился бы этого прозвища, а между тѣмъ мало ли у насть людей, которые и по сіе времена продолжаютъ вѣрить въ существованіе вѣдьмъ, русалокъ и домовыхъ, хотя и не считаютъ ихъ богами. Такъ, къ стыду нашему, сильна надъ нами привычка, и такъ мало мы ирилагаемъ заботы къ тому, чтобы сдѣлаться истинными христіанами!

Хотя начало всевозможныхъ повѣрій лежитъ въ глубокой древности, однако далеко не всѣ они образовались во времена языческія и далеко не всѣ связаны съ языческой религіей. Иные повѣрія были нарочно придуманы, чтобы этимъ путемъ воздѣйствовать на невѣжественный или по малолѣтству еще не развитый умъ, запугать или, наоборотъ, прельстить чѣмъ-нибудь съ цѣлью заставить его сдѣлать желаемое или, наоборотъ, воздержаться отъ какого-либо поступка. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ, напримѣръ, повѣріе, что не слѣдуетъ чрезъ мѣру хвалить ребенка, чтобы, чего доброго, не „сглазить“ его. Относительно этой вѣры въ „сглазъ“ слѣдуетъ сказать, что она очень распространена не только у насть, но и у многихъ другихъ народовъ; многія лица даже изъ образованнаго общества, считая нужнымъ смѣяться надъ этимъ суевѣріемъ, втайне придерживаются его — особенно при игрѣ въ карты. И несомнѣнно, что они не совсѣмъ заблуждаются: наука допускаетъ, что есть люди, одаренные еще не вполнѣ изученною и понятной способностью силою слова и даже взгляда воздѣйствовать на душу другого существа, особенно къ тому расположеннаго. Но дѣло въ томъ, что подобные случаи въ обыденной жизни крайне рѣдки, и изъ тысячи случаевъ, о которыхъ вы можете услышать отъ любой деревенской бабы, пожалуй, найдется одинъ, гдѣ дѣйствительно проявилась эта таинственная сила; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ дѣйствовали другія, самыя обычныя, но неизвѣстныя, однако, простолюдину причины. Такъ,

народъ почти всѣ нервныя болѣзни какъ-то: падучую, истерику, помѣшательство — называетъ порчей и приписываетъ сглазу недобрыхъ людей, и даже знаетъ противъ этого зла особые мѣры, которые читатель найдетъ въ прибавленіи, сдѣланномъ въ концѣ книги. Итакъ, врядъ ли нужно еще доказывать, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ вѣрованіе въ сглазъ оказывается вздорной выдумкой, позорящей человѣка и обнаруживающей его умственное убожество. Однако, возвращаясь къ нашему примѣру, скажемъ, что не совсѣмъ напрасно придумали страшать сглазомъ гостя, расточающаго черезчуръ усиленныя похвалы дѣтямъ. Всѣмъ извѣстно, какъ такія похвалы, произносимыя въ обществѣ, балуютъ и портятъ дѣтей. Только въ этой порчѣ нѣть никакого „сглаза“: просто чрезмѣрныя похвалы, порождая въ дѣтяхъ самомнѣніе, хвастливость и заносчивость, портятъ ихъ характеръ. Объяснить это гостю было бы неудобно, а для темнаго человѣка и мало вразумительно, оттого и придумали говорить ему: „не хвалите, а то сглазите!“ Такимъ-то простымъ и естественнымъ путемъ возникло это повѣrie, поддерживается же оно тѣмъ, что суевѣрные люди склонны усматривать какую-то таинственную связь между похвалой и случившейся вслѣдъ за ней неудачей. А между тѣмъ — сколько похвать и поздравленій по поводу успѣха въ томъ или другомъ дѣлѣ приходится слышать тому же суевѣрному человѣку — безъ всякихъ дурныхъ послѣствій, но онъ этого не замѣчаетъ и продолжаетъ боязливо избѣгать похвалъ!

Здѣсь умѣстно будетъ указать еще нѣсколько повѣрій, которыя, подобно только что упомянутому, произошли изъ желанія воздействиовать на неразумнаго человѣка, отъ кото-раго инымъ, болѣе прямымъ путемъ иногда трудно бываетъ добиться желаемаго. „Муха во щи залетѣла — ничего: это къ счастію“, говорять для успокоенія слишкомъ брезгливыхъ людей или въ видѣ извиненія со стороны хозяевъ, допустившихъ появленіе мухи въ тарелкѣ. Нужно ли говорить, что между этой шальной мухой и человѣческимъ счастіемъ не можетъ

быть никакой связи. — Когда въ обществѣ, послѣ оживленной бесѣды, вдругъ случайнѣо водворяется молчаніе, принято говорить: „тихій ангель пролетѣлъ“ или „становой родился“. И то и другое замѣчаніе одинаково нелѣпы, а первое — мѣт того, и грѣшнѣо, потому что непристойно упоминать о священныхъ предметахъ или лицахъ всуе, для краснаго словца. Говорить же это по неумѣнію сказать что-либо болѣе цутное и изъ желанія прервать неловкое молчаніе. Но не лучше ли столь ненаходчивымъ людямъ молчать, чѣмъ говорить глупости или богохульствовать! Впрочемъ, приводимое сейчасъ относится скорѣе къ области поговорокъ, нежели повѣрій, потому что трудно допустить, чтобы кто-нибудь, произнося эти слова, вѣрилъ въ то, что говоритъ. Но вотъ еще примѣръ. Существуетъ примѣта: „кто ъсть хлѣбъ съ плѣсенемъ — будеть хорошо плавать“. Подобнаго рода повѣріе, конечно, могло возникнуть изъ желанія воздѣйствовать на дѣтское привередство или прихотливость. Для легковѣрнаго ребенка подобное обѣщаніе не сравненно дѣйствительнѣе, нежели длинная натація и укоризны.

Такимъ образомъ, нѣсколько разобранныхъ примѣровъ приводятъ насъ къ тому заключенію, что иныя повѣрія могутъ возникать просто изъ желанія сильнѣе повліять на человѣка и заставить его дѣйствовать согласно съ нашими желаніями такъ какъ страхъ или обольщеніе сильнѣе дѣйствуютъ на человѣка, нежели пространныя разсужденія, да, кромѣ того, избавляютъ отъ скучныхъ опроверженій и споровъ.

Подобнаго рода повѣрія могутъ быть изобрѣтаемы и изъ безнравственныхъ, корыстныхъ видовъ, изъ желанія обратить легковѣріе ближняго въ свою пользу. Такихъ „мошенническихъ“ повѣрій у насъ довольно много и, къ сожалѣнію, они до сихъ порь пользуются авторитетомъ, между тѣмъ какъ, казалось бы, противъ нихъ особенно нужно было бы бороться, ибо здѣсь суевѣріе и невѣжество соединены съ обманомъ и шарлатанствомъ. Сюда прежде всего нужно отнести захарство, гаданіе, снотолкованіе и проч., которыхъ, возникнувъ во

времена язычества, въ наше время поддерживаются, благодаря невѣжеству народа, разными шарлатанами съ цѣлью выманивать деньги у легковѣрныхъ людей. Помимо указанныхъ много другихъ суевѣрій поддерживаются изъ тѣхъ же побужденій. Укажемъ, напримѣръ, на вѣрованіе, что домовой имѣеть особое пристрастіе къ лошадямъ: если лошадь ему не нравится, таскаетъ за уши, путаетъ гриву въ колтунъ, разъѣзжаетъ на ней по ночамъ и къ утру приводить всю въ мысль. Подобного рода выдумки не что иное, какъ измысленія кучеровъ и конюховъ, пользующихся суевѣріемъ хозяевъ, чтобы прикрывать свое недобросовѣстное отношеніе къ лѣту и своиочные прогулки съ возлюбленными—на хозяйственныхъ лошадяхъ. По этому поводу В. Даль разсказываетъ слѣдующій случай: „Кучерь требовалъ однажды отъ барина, чтобы непремѣнно обмѣнять лошадь на другую, у знакомаго барынишка, увѣряя, что эту лошадь держать нельзя—ее домовой не взлюбилъ и изводить. Когда же баринъ, несмотря на всѣ доводы кучера, не согласился, а кучеру не хотѣлось потерять обѣщанные могарычи, то лошадь точно вдругъ взбѣсилась, не вынесши мукъ домового, и окотѣла. Оказалось, что кучерь насыпалъ ей дроби въ ухо; а такъ какъ у лошади ушной проходъ устроенъ такимъ изворотомъ, что дробь не можетъ высыпаться обратно, то бѣдное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимаго домового“.

Со всѣмъ тѣмъ, не мало на Руси повѣрій, основанныхъ на наблюденіи, на опытѣ и потому содержащихъ въ себѣ несомнѣнную истину. Такія убѣжденія, возникшія вслѣдствіе тонкой народной наблюдательности, все-таки остаются повѣріями, потому что не содержать въ себѣ никакого разъясненія правильно, хотя и безсознательно подмѣченаго факта. Такія повѣрія заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія и научнаго объясненія въ случаѣ ихъ состоятельности. Къ такого рода повѣріямъ слѣдуетъ отнести народныя лѣкарственныя средства, изъ которыхъ многія въ настоящее время прияты медицинской наукой и цѣлебное свойство ихъ нашло

себѣ объясненіе. Среди такихъ повѣрій, содержащихъ въ себѣ истину, хотя бы и безсознательно усвоенную, особенно много примѣтъ хозяйственныхъ и относящихъ къ предсказанію погоды. Всѣ сельскіе хозяева и мясоторговцы, которымъ приходится заготовлять солонину въ большихъ количествахъ, знаютъ по опыту, что если приготовить ее во время полнолуния, то она очень скоро портится. Мы не беремся объяснить этого явленія, но почему не допустить, что луна и другія небесныя тѣла могутъ оказывать нѣкоторое вліяніе на состояніе земной атмосферы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на иные продукты, легко подвергающіеся порчу. Сельскіе хозяеваувѣряютъ также, что хлѣбъ, выпеченный въ періодъ цвѣтенія хлѣба на корню, легко зацвѣтаетъ, т. е. плѣсневѣетъ, что и самимъ намъ приходилось наблюдать, живя въ деревнѣ, и что объясняется, на нашъ взглядъ, особымъ размноженіемъ въ этомъ періодѣ грибовъ. Существуетъ также повѣріе, что во время цвѣтенія хлѣба быстро портится вино, что въ эту пору нельзя бѣлить холстовъ и что пятна краснаго вина быстрѣе отмываются со столоваго бѣлья. Все это очень возможно, хотя еще и не объяснено вполнѣ наукой. У крестьянъ есть примѣта, что если хлѣбъ начинаетъ зацвѣтать снизу, то онъ будетъ дешевъ, если же сверху, то—дорогъ. Другими словами— здоровый и хороший колосья зацвѣтаетъ обыкновенно снизу: тогда можно разсчитывать на урожай и, следовательно, на дешевизну хлѣба. Эти нѣсколько примѣровъ, какъ нельзя лучше доказываютъ, что нѣкоторая повѣрія, примѣты чужды всякаго вымысла, а основаны на простой наблюдательности. Не надо только забывать, что такихъ повѣрій менышинство и что къ каждому вообще слѣдуетъ относиться критически. Такъ, по народному „наблюденію“ оказывается, что рыжая корова, идущая впереди стада, предвѣщаетъ вѣдро, а черная — непогоду. Едва ли нужно доказывать, что подобная примѣта— рѣшительно ни на чёмъ неоснованный предразсудокъ, доказывающій только то, что необходимо обладать нѣкоторымъ

Повѣрія и предразсудки.

умственнымъ развитіемъ даже для того, чтобы сумѣть сдѣлать правильное наблюденіе; неразвитой же умъ склоненъ возводить въ законъ всякую случайность.

Многія повѣрья тѣсно связаны съ народною поэзіей и въ ней имѣютъ свое начало. Эта поэзія въ древнія времена была проникнута фантастическимъ элементомъ и связана съ языческой религіей. Во времена христіанскія эта поэзія была забыта, но отрывки ея сохранились въ народной памяти въ формѣ обрядовъ, игръ и повѣрій. Игры на Ивана Купалу, колядованіе на Рождество, Семикъ и проч.—все это обряды, имѣющіе языческое происхожденіе, но народъ, по своему невѣжеству, до сей поры считаетъ нужнымъ соблюдать всѣ эти обычай. Попробуемъ же образомъ и поэтическія фантазіи, будучи полузамытыми, дать начало повѣріямъ. Нѣкогда существовало поэтическое преданіе, что ласточки предостерегали своимъ крикомъ Спасителя отъ Его преславителей, а воробыи, наоборотъ, предали Его, крича: „живъ, живъ“; за это у нихъ были связаны ноги, такъ что они не могли болѣе ходить, а только прыгали. Ласточки же, по преданию, уносили у римлянъ гвозди, коими хотѣли пригвоздить Христа, а воробыи опять приносили ихъ. Такъ народная фантазія поэтическими чертами украшала великія для каждого христіанина события священной исторіи. Внослѣдствіи народъ забылъ о томъ, что подобныя преданія—только поэтическій вымыселъ, и стать принимать ихъ на вѣру. Отсюда и образовалось ложное убѣжденіе, что грѣшно бить ласточекъ или разорять ихъ гнѣзда, по отношенію же къ воробьямъ подобный поступокъ не составить грѣха. На самомъ дѣлѣ, разумѣется, и то и другое одинаково грѣшно и безжалостно. На основаніи того же преданія образовалось повѣріе, что на говѣщеніе итица не вѣстъ гнѣзда, „кромѣ окаяннаго воробья, который не знаетъ праздниковъ“. Простой поэтический вымыселъ представляетъ изъ себя также очень распространенное повѣріе, что въ день Благовѣщенія и Свѣтлого Воскресенія „солнечико играеть отъ радости“. Это мнѣніе объя-

сняется также тѣмъ, что если долго смотрѣть прямо на солнце, то отъ нестерпимаго блеска оно можетъ показаться играющимъ, особенно для человѣка, который увѣренъ въ томъ, что это дѣйствительно бываетъ, и къ тому же не совсѣмъ трезвъ, что, къ сожалѣнію, такъ обыкновенно у насъ въ праздничные дни! Паденіе звѣзды, наблюдавшее часто на темномъ осеннемъ небѣ, народъ объясняетъ тѣмъ, „что то ангель полетѣлъ—взять душу умершаго“. Если задумать что-нибудь въ это время, то ангель не откажеть въ исполненіи этого желанія. Подобное повѣріе тоже не болѣе, какъ простая фантазія, вымыселъ, хотя не лишенный поэзіи.

Иныя повѣрія обязаны своимъ происхожденіемъ раскольникамъ, но невѣжественный людъ, не подозрѣвая обѣ ихъ происхожденій, смотрить и на нихъ, какъ на неизложную истину. Такъ, раскольники увѣряютъ, что, острогии ногти, надо ихъ собрать въ одно мѣсто и сохранять: на томъ свѣтѣ-де придется лѣзть на высокую гору, и ногти тутъ пригодятся. Что можетъ быть необычайно подобной выдумки, а между тѣмъ и до сей поры многіе, даже и не раскольники, придерживаются этого обычая. Иныя изъ этихъ [раскольничьихъ] повѣрій представляютъ простую игру словъ. Хотѣли хоть какъ-нибудь осудить и осмеять противныхъ раскольникамъ и старообрядцамъ новшества, какъ-то: куреніе, питье чаю, кофе и проч., откуда и возникли повѣрія: „кто пьетъ чай, отчаивается отъ Бога“, „кто пьеть кофе, налагаетъ ковъ на Христа“; хмель и табакъ произросли, по понятію раскольниковъ, на могилѣ извѣстной блудницы — хмель изъ головы, а табакъ изъ чрева.

Множество повѣрій и примѣръ произошло отъ какого-либо достопамятнаго евангельскаго или историческаго события. Не садиться по 13 человѣкъ за столъ, не подавать другъ другу соли — повѣрія, очевидно, напоминающія собою Тайную вечерю и поведеніе Іуды. Сами же по себѣ эти примѣры, конечно, не имѣютъ никакого смысла.

Наконецъ, немало найдется повѣрій, происхожденіе и смыслъ которыхъ неясны или относительно которыхъ можно съ увѣренностью сказать, что въ нихъ нельзѧ даже и искать никакого смысла. Какимъ образомъ, напримѣръ, могутъ предвѣщать бѣду солнечное затменіе или кометы, появленіе которыхъ можетъ быть предсказано учеными людьми за любое число лѣтъ. Но эти явленія рѣдки и по своей величественности способны внушить невѣжественному человѣку суевѣрный ужасъ. Вотъ единственное объясненіе этого повѣрія. Но на чёмъ основывается убѣжденіе, что изъ новобрачныхъ будетъ первенствовать въ жизни тотъ, кто первый во время вѣнчанія ступить на подножіе, или что пожаръ, случившійся отъ грозы, надо заливать парнымъ молокомъ отъ черной коровы. Почему—молокомъ и зачѣмъ непремѣнно отъ „черной“ коровы—этого, читатель, мы полагаемъ никто не сумѣеть намъ объяснить. А вѣдь подобныхъ примѣтъ и „вѣрныхъ“ средствъ мы могли бы привести не одинъ десятокъ, если бы позволяли размѣры этой книжки и была бы въ томъ надобность. Но мы думаемъ, что читатель достаточно уже уяснилъ себѣ нашу точку зрѣнія на этотъ предметъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился, что вопросъ, который мы затронули въ этой книжкѣ, не только интересенъ, ибо даетъ богатую пищу для размышленія, но и важенъ для всякаго, кто хочетъ быть просвѣщеннымъ человѣкомъ и истиннымъ христіаниномъ.

ГЛАВА II.

Значеніе повѣрій.—Вредъ отъ нихъ.—Совѣты, какъ противостоять имъ.

Убѣдившись изъ предыдущаго изложенія въ томъ, на сколько неразумны и неосмыслиенные тѣ начала, на которыхъ основываются всевозможныя повѣрія, читатель въ правѣ будетъ спросить настѣ: какимъ же образомъ эти повѣрія могли просуществовать цѣлые столѣтія и пользоваться авторитетомъ истины, властствуя надъ умами и поступками людей, другими словами—отчего люди такъ дорожатъ этими преданіями старины, отчего они такъ суевѣрны? Мы постараемся отвѣтить читателю на этотъ вопросъ. Мы утверждаемъ прежде всего, что суевѣріе вовсе не есть врожденное свойство человѣческой природы; это есть не болѣе, какъ дурная привычка нашего ума, результатъ невѣжества и болѣе всего—плохого воспитанія. Мы не ошибемся, если скажемъ даже, что воспитаніе играетъ здѣсь огромную, первенствующую роль. Вѣдь, если даже допустить, что иной ребенокъ родится съ особенною наклонностью ко всему вымышленному, чудесному, фантастическому, то развѣ нельзя противодѣйствовать его чрезмѣрной фантазіи или по крайней мѣрѣ направлять ее въ лучшую сторону, вместо того, чтобы населять его и безъ того пылкое воображеніе образами домовыхъ, вѣдьмъ, привидѣній и всякой другой нелѣпостью. Очень часто родители могутъ замѣтить преобладаніе въ ребенкѣ воображенія и фантазіи надъ разсудкомъ, что выражается въ задумчивости, разсѣянности, любви къ одиночеству, чрезмѣрной пугливости,—боязни темныхъ комнатъ и неизвѣстныхъ предметовъ, въ стремлениі къ вымыслу, преувеличеніямъ, въ легкой увлекаемости и впечатлительности. Если родители замѣчаютъ подобнаго

рода особенности въ характерѣ своего ребенка, они должны употребить всѣ старанія, чтобы искоренить въ немъ эти недостатки. Для этого нужно почаще окружать такого ребенка обществомъ веселыхъ, здоровыхъ сверстниковъ, мѣшать ему уединяться и предаваться не свойственнымъ его возрасту мечтамъ. Полезно направлять его интересы на обыденные, окружающіе его предметы, на хозяйственныя занятія, на жизнь животныхъ, насекомыхъ, растеній, постараться возбудить въ немъ интересъ къ изученію этого дѣйствительнаго, а не фантастического міра. Наоборотъ, слѣдуетъ удалять отъ него все, что можетъ еще болѣе усиливть его природныя склонности, какъ-то: чтеніе волшебныхъ сказокъ, разсказы про домовыхъ, русалокъ, привидѣнія и т. д. Наконецъ, въ болѣе позднемъ возрастѣ можно заинтересовать такого ребенка посильными ему литературными занятіями. Извѣстно, какъ любятъ нѣкоторыя дѣти средняго возраста пробовать свои силы въ сочиненіи разсказовъ, стиховъ, рукописнаго семейного журнала. Подобнаго рода литературныя занятія представляютъ прекрасный выходъ и полезное примѣненіе для природной склонности дѣтей къ вымысламъ, фантазіи,—склонности, до извѣстной степени свойственной всѣмъ дѣтямъ.

Такимъ образомъ въ рукахъ разумныхъ родителей есть много способовъ противодѣйствовать тому злу, о которомъ мы говоримъ. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности бываетъ далеко не такъ: очень мало родителей, которые считаютъ своею обязанностью такъ тщательно слѣдить за ходомъ развитія своихъ дѣтей. Большинство довольствуется лишь общимъ надзоромъ надъ ними, стремясь только къ тому, чтобы дѣти были сыты, одѣты и не слишкомъ „каризничали“, полагая, что всякия недостатки въ характерѣ или странности въ умственномъ складѣ ребенка сами собою выровняются съ лѣтами, и забывая, что недостатки, замѣчаемые въ дѣтствѣ, обыкновенно не только не „выравниваются“ въ зрѣломъ возрастѣ, а наоборотъ, съ лѣтами укрепляются, превращаясь въ настоящие пороки или уродства. Нѣть ничего пагубнѣе этого за-

блужденија, которое приводитъ къ тому, что обезнеченные въ материальномъ отношении родители вовсе не считаютъ предосудительнымъ предаваться свѣтской жизни и развлечениямъ, почти по цѣлымъ днямъ оставляя дѣтей своихъ на рукахъ нянекъ. Вотъ почему у насъ суевѣрны даже люди, выросшіе въ довольствѣ и получивши образованіе: вѣдь ихъ воспитывали тѣ же невѣжественныя и суевѣрныя нянки, а роль родителей сводилась лишь къ доставленію материальныхъ средствъ и удобствъ жизни. Не слишкомъ ли много мы заботимся объ этихъ удобствахъ, не слишкомъ ли небрежны и невнимательны мы къ душевной жизни ребенка, къ его умственнымъ и нравственнымъ запросамъ!

Конечно, то, что мы говоримъ сейчасъ, относится лишь къ родителямъ болѣе или менѣе обезнеченнымъ, которымъ дана, къ сожалѣнію, материальная возможность путемъ найма нянекъ уклоняться отъ добросовѣстного исполненія своихъ родительскихъ обязанностей. Здѣсь мы должны оговориться: мы вовсе не считаемъ присутствіе нянки излишнимъ или вреднымъ; мы только возсталяемъ противъ вліянія ея на умственное и нравственное развитіе ребенка, чего легко избѣжать при умѣніи, а главное, при искреннемъ желаніи родителей. Этимъ людямъ недостаетъ только яснаго сознанія того вреда, который они приносятъ своимъ дѣтямъ невнимательнымъ отношеніемъ къ ихъ воспитанію. Разъ же втотъ вредъ будетъ вполнѣ сознанъ, имъ легко будетъ устранить его, такъ какъ или сами дни обладаютъ достаточнымъ развитіемъ или же имѣютъ достаточно средствъ, чтобы поручить дѣло воспитанія лицу, что-либо смыслищему въ немъ.

Но что сказать о семьяхъ, гдѣ родители—люди темные, не получивши правильного образованія, да къ тому же еще и материально не обезнеченные, а такихъ—значительное большинство! Въ такой средѣ, кажется, дѣлается все возможное къ тому, чтобы изъ ребенка образовался человѣкъ, насквозь пропитанный дикими предразсудками и суевѣріями. Въ са- момъ дѣлѣ, еще находясь въ утробѣ матери, онъ уже дѣ-

ляется предметомъ суевѣрныхъ опасеній, ни на чѣмъ не основанныхъ належать и т. д. Будущая мать тщательно избѣгаетъ взглянуть на все, что поражаетъ своимъ безобразіемъ, чтобы ребенокъ ея не родился оттого уродомъ, боится сама заготовлять бѣлье для младенца, такъ какъ увѣрена, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ недолговѣченъ, ходить къ ворожеѣ гадать о будущности своего ребенка, платя ей постѣдніе гропи. Но вотъ ребенокъ появился на свѣтѣ. Тутъ для него начинаются настоящія мученія: его до шести недѣль никому не показываютъ, кутаютъ, никаку не выносятъ, чтобы кто-нибудь его не „сглазилъ“. Если же какой недогадливый и „невоспитанный“ гость, увидѣвъ его случайно, похвалитъ, желая польстить матери, та, во избѣженіе „сглаза“, считаетъ непремѣннымъ долгомъ своимъ три раза облизать языкомъ лицико малютки и столько же разъ сплюнуть на землю. Наконецъ, пришло время дать имя младенцу. Тутъ нужно бѣжать за ворота и спрашивать перваго встрѣчнаго, какъ его зовутъ и сообразно съ этимъ давать имя ребенку, иначе онъ не будетъ счастливъ. До нѣкотораго времени стараются скрывать данное новорожденному имя, замѣняя его другимъ, чтобы колдунъ не „испортилъ“ или не превратилъ ребенка въ оборотня. Стричь ребенка нельзя до году, и при томъ только разъ въ годъ, непремѣнно въ Великій Четвертокъ. Если дитя чего-либо испугалось, съ него сейчасъ же стягиваютъ рубашонку и надѣваютъ ее задомъ напередъ. Худо будетъ нашему малюткѣ, если онъ вздумаетъ раскричаться: тутъ его схватываютъ, относятъ подъ нашесть и, напинавъ надъ нимъ заговоръ, перевертываютъ черезъ голову и даютъ пить теплую воду съ маковыми зернами. При нѣкоторыхъ болѣзняхъ его „перепекаютъ“, т. е. сажаютъ на лопату и трижды всовываютъ, наскоро, въ затопленную печь. Но вотъ нашъ ребенокъ впервые становится на ножки,—тотчасъ мать или другая женщина схватываютъ ножъ и торопятся поскорѣе провести имъ по полу между ступней ребенка, чтобы разрѣзать невидимыя цуты и разрѣпить нехожденіе, при

чемъ эта процедура часто сопровождается порѣзомъ пальцевъ ребенку. Если ребенокъ заболѣть, его окружаютъ знахари, знахарки, невѣжественные, выжившія изъ ума старухи, изъ которыхъ каждая предлагаетъ свое средство, дѣлаютъ надъ несчастнымъ ребенкомъ всевозможные опыты, пичкаютъ его, Богъ знаетъ, чѣмъ, производятъ заклинанія, заговоры; доктора пригласяютъ только тогда, когда все эти средства окажутся недѣйствительными, и болѣзнь приметъ угрожающей характеръ. Тогда будуть обвинять доктора, что онъ не сумѣлъ спасти ребенка!

Когда же дитя подрастетъ и начнетъ понимать человѣческую рѣчь, онъ попадаетъ какъ бы въ школу суевѣрія и нелѣпѣйшихъ предразсудковъ, которые усвоиваетъ съ дѣтской восприимчивостью и безсознательно сохраняетъ въ теченіе всей жизни: извѣстно, что впечатлѣнія дѣтства наиболѣе сильны и неизгладимы. Всѣ его продѣлки, подчасъ самыя жестокія, безнравственные и вредныя, не обращаютъ на себя никакого вниманія родителей и остаются безнаказанными, и въ то же время самыя невинныя его шалости вызываютъ окрики и жестокія наказанія: засвистѣть ли онъ, забывшись, въ комнатѣ—въ этомъ видятъ дурное предзнаменованіе; начнетъ ли качать порожнюю колыбель своего младшаго братишкѣ, на него пакинутся съ бранью, потому что увѣрены, что отъ качанія пустой колыбели дитя не будетъ жить. Когда придетъ посты, ребенку не даютъ молока, а на его разспросы по поводу этого отказа въ обычной пицѣ и на его слезы, вмѣсто правильнаго объясненія, даютъ нелѣпый отвѣтъ: „молоко улетѣло на березку“, причемъ показываютъ на первого появившагося воробья. „Будешь есть скоромное—будешь у тебя рябая невѣста“. Можна себѣ представить, какой сумбуръ въ головѣ у ребенка получается отъ такихъ „объясненій“, и что ему остается еще дѣлать, какъ не брать все эти несообразности на вѣру, какъ мудрость, недоступную его пониманію, и, придя въ зрѣлый возрастъ, повторять ихъ своимъ дѣтямъ съ тѣмъ же успѣхомъ.

Такимъ-то образомъ жизнь простолюдина, съ колыбели до могилы, протекаетъ среди предразсудковъ, сопровождающихъ его на каждомъ шагу. Вотъ для такихъ-то людей гораздо труднѣе избавить своихъ дѣтей отъ нагубнаго вліянія заразительного примѣра, нежели тѣмъ семьямъ, о которыхъ было сказано выше. Здѣсь надо начать воспитаніе съ самого себя, проникнувшись сознаніемъ того вреда, который про исходитъ отъ суевѣрныхъ заблужденій.

Мы постараемся, по мѣрѣ силъ, помочь читателю уяснить себѣ эту вредъ и указать средства отъ него избавиться, для чего, впрочемъ, намъ придется не много прибавить къ уже сказанному выше. Внимательный читатель, навѣрное, можетъ уже убѣдиться, что прежде всего въ суевѣріи заключается тяжкій грѣхъ. Читателю уже пзвѣстно, что очень многія повѣрія представляютъ собою остатки полузыгой языческой религіи, что особенно относится до вѣры въ домовыхъ, русалокъ, оборотней и проч., существованія которыхъ не признаетъ христіанская церковь. Стало-быть, тотъ, кто вѣритъ въ ихъ существованіе, недостоинъ называться христіаниномъ, а скорѣе есть язычникъ.

Другой грѣхъ, заключающійся въ суевѣріи, это — богохульство. Въ самомъ дѣлѣ, среди повѣрій есть очень многія, въ которыхъ имя Господне, названія святыхъ или священныхъ предметовъ произносятся безъ всякой надобности и должнаго благоговѣнія. Таково дикое повѣріе, что встрѣча съ духовнымъ лицомъ сулить несчастіе, благодаря чему некоторые при такой встрѣчѣ отплевываются, обнаруживая тѣмъ величайшее неуваженіе къ высокому духовному сану. Особенно это относится до заговоровъ, въ которыхъ почти всегда упоминается имя Божіе или какого-нибудь святого рядомъ и наравнѣ съ безмысленными словами и заклинаніями. Вотъ заговоръ „отъ звиху“ (отъ вывиха), распространенный на Украинѣ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Весь-недесь, на сынему мори лежать камень билый, на билому камени кто-сь седить, высижа, изъ жовтои кости цвиль выклика; жовтая кость левовъ

духъ; якъ у льву духъ не держится, то щобъ такъ у жовромъ кости раба Божьяго звихъ не держався. Мыколаю угоднику, скорый помощнику, мисяцу ясный, князю прекрасный, стань мени у помощъ, у первый разъ, у третій разъ. Аминь“. Иногда заговоръ имѣеть форму молитвы, что легко можетъ ввести незнающаго человѣка въ невольный грѣхъ, какъ, напримѣръ, слѣдующій заговоръ противъ укушенія змѣй: „Молитвъ ради Пречистыя твоєя Матери благодарный свѣтъ міра, отступи отъ меня, нечестивый, змѣя злая, подколодная, гадина лята, снѣдающая людей и скотъ; яко комары отъ облаковъ растекаются, тако и ты, опухоль злая, разойдись, растянись отъ раба Божія (такого-то). Всѣ святые и всѣ монастырскіе братья, инохи, отшельники, постники и сухоядцы, чудовыне святые лики, станьте мнѣ помощъ, яко во дни, тако и въ ноци, во всякомъ мѣстѣ, рабу Божьему (такого-то). Аминь“.

Большинство заговоровъ при томъ служать якобы для достиженія предметовъ, которые и сами по себѣ предосудительны, грѣховны, особенно заговоры для призыва и отгонанія нечистой силы, любовные, ослушные, на разложеніе лѣвичья сердца, на тоску по дѣвицѣ, на разлученіе, на присущеніе, на кулачный бой и проч. (см. ниже, въ прибавленіи). Въ большинствѣ сувѣрій сказывается неправильное пониманіе истиннаго ученія церкви. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, въ какой священной книгѣ, въ какихъ церковныхъ правилахъ вычитали, что убившему змѣю простятся 40 грѣховъ, а проводившему 40 покойниковъ — 3 грѣха, что вдовѣ нельзя быть въ церквѣ при вѣнчаніи, что „грѣшино“ купаться послѣ Ильина дня, что отъ зубной боли нужно молиться св. Антипію, отъ головной — Іоанну Предтечѣ, отъ запоя — Вонифатію, о сохраненіи цѣломудрія — Мартиміану, о свиньяхъ — Василію Великому, а о гусяхъ — св. муч. Никитѣ. Какъ будто не всѣ святые угодники одинаково услышать молитву, произносимую съ вѣрой! Все это есть пустыя выдумки, проистекающія отъ непониманія истинъ христіанскаго ученія и незнанія церковныхъ правилъ, а потому и составляеть грѣхъ для каждого христіа-

жина, обязанного быть знакомымъ съ вѣроученіемъ, къ которому онъ принадлежитъ.

Суевѣрный человѣкъ грѣшитъ еще и тѣмъ, что, придавая значеніе пустымъ примѣрамъ, забываетъ о томъ, что судьба человѣка зависитъ не отъ этихъ случайностей, и отъ Промыслы Божиаго, и его собственной свободной воли. Вообще суевѣрный человѣкъ неминуемо искашаетъ свою духовную природу, разстраиваетъ свои умственные силы, убиваетъ въ себѣ волю, энергію. Въ самомъ дѣлѣ, наши духовныя силы растутъ и крѣпнутъ отъ упражненія въ правильномъ, логическомъ мышленіи, но именно суевѣрный человѣкъ никогда не размышляетъ должнымъ образомъ, ибо у него на все готовъ разъ на всегда усвоенный уродливый взглядъ, которымъ онъ и довѣрствуется, несмотря на его нелѣпость. Между тѣмъ свободная воля и разумъ вложены въ насть Создателемъ, и обязанность каждого христіанина совершенствовать ихъ, а никакъ не унижать въ себѣ этотъ „образъ и подобіе Божіе“.

Несомнѣнно, что суевѣрный человѣкъ сплошь и рядомъ вредить самому себѣ материально: будучиувѣренъ, на основаніи благопріятныхъ примѣръ, въ ожидающую его удачу, онъ становится беспечень, небреженъ къ дѣлу, и оттого проигрываетъ, въ случаѣ же иллюзій примѣръ онъ падаетъ духомъ, считая всякое сопротивленіе судьбѣ безполезнымъ, тогда какъ, взявши за умъ во-время, онъ могъ бы выйти изъ затруднительного положенія. Нерѣдко суевѣріе ведетъ къ самымъ ужаснымъ преступленіямъ. Какое множество ни въ чемъ неповинныхъ людей погибло на кострахъ въ Западной Европѣ въ эпоху развитія тамъ религіознаго фанатизма, которую принято называть Средними вѣками,— погибло за то только, что ихъ считали вѣдьмами или колдунами. Да и у насъ на Руси бывали такие случаи. На Украинѣ сохраняется слѣдующее преданіе, взятое изъ актовъ и, следовательно, весьма достовѣрное. Злая и пьяная баба, поссорившись съ соседкой, пришла въ судъ и объявила, что та украла росу. По справкамъ оказалось, что наканунѣ росы дѣйствительно не было, и что обвиняемая

должно быть вѣдьма. Ее сожгли. Проспавшиесь, баба пришла въ судъ каяться, что поклопала на сосѣдку, а суды, услышавъ это, пожали плечами, и ударили объ полы руками, сказавъ: „отъ тоби разъ!“

Естественно, что суевѣрный человѣкъ, привыкши мыслить по одному шаблону, всегда будетъ сопротивляться вся кому полезному нововведенію. Когда наше правительство захотѣло познакомить крестьянское населеніе съ употребленіемъ и пользою картофеля, то вызвало этимъ цѣлое волненіе,—а теперь картофель составляетъ едва ли не самую главную пищу крестьянъ. Такъ же враждебно отнеслись многіе къ желѣзнымъ дорогамъ, появившимся у нась съ 40-хъ годовъ, видя въ нихъ дѣйствіе нечистой силы. До сихъ поръ у нась деревнямъ не мало невѣждъ, которые противятся прививанію дѣтямъ осны, называя эту операцию наложеніемъ „антихристовой печати“. И до такой степени предразсудки иногда овладѣваютъ человѣкомъ, что онъ какъ бы отказывается отъ своей воли, становится ихъ рабомъ, жалкимъ и смѣшнымъ въ то же время! Мы знали одного коридорнаго, состоявшаго при социальныхъ и очень чисто содержимыхъ меблированныхъ комнатахъ, въ которыхъ, однако, къ удивленію, никогда не переводились черные тараканы. Оказалось, что коридорный, считая преступленіемъ истреблять таракановъ, такъ-какъ они, по повѣрѣ, приносятъ счастіе и богатство, всячески оберегалъ ихъ и постоянно носилъ нѣсколько штуку у себя за пазухой. Извѣстенъ предразсудокъ, по которому юность не надо дѣлать себѣ никакихъ обновъ во избѣженіе скорой смерти. По этому поводу В. Цаль разсказываетъ объ одной старушкѣ, вѣльможѣ прошлаго вѣка, жившей въ Москвѣ, которая лѣтъ 20 не шила на себя бѣлья и ни за что не соглашалась къ этому, считая всякаго, кто ей обѣ этомъ говорить, смертельнымъ врагомъ своимъ, и ходила въ такомъ бѣльѣ, на которомъ, кромѣ заплатъ, не оставалось ничего. Намъ извѣстна была одна старушка, которая до смерти боялась увидѣть молодой мѣсяцъ стѣва и, прежде чѣмъ взгля-

нуть на него, всегда повертывалась такъ, чтобы онъ привелся съ правой стороны, обманывая такимъ образомъ самою себя. Вотъ до какихъ смѣшныхъ крайностей можетъ доходить человѣкъ подъ вліяніемъ предразсудковъ! Мы не ошибемся послѣ этого, если скажемъ, что суевѣрный человѣкъ въ одно и то же время грѣховенъ и вреденъ для общества, смѣшонъ и жалокъ!

А между тѣмъ вовсе нетрудно избавиться отъ этого недостатка при искреннемъ желаніи это сдѣлать. Здѣсь, какъ и при всякомъ недугѣ, приходится обратить вниманіе на его причины и на нихъ воздействовать. Этихъ причинъ въ данномъ случаѣ три. Прежде всего, конечно,—невѣжество, которое всегда и неизбѣжно рождать предразсудки и суевѣрія. Поэтому — развивать свой умъ и обогащаться познаніями — вотъ первое средство избѣжать этого недостатка — средство доступное для каждого грамотнаго человѣка, потому, что здѣсь важно не количество свѣдѣній, не ученость, многимъ недоступная, а самое желаніе знать, самое стремленіе къ усовершенствованію своего ума, которое, однажды зародившись, не позволитъ уже довольствоваться ходячими предразсудками.

Другой источникъ ложныхъ убѣждений это — не вполнѣ забытое язычество. Въ этомъ случаѣ лучшее средство — усвоеніе и правильное пониманіе христіанского ученія — средство, конечно, доступное каждому, даже и не грамотному, ибо всюду есть настыри церкви, готовые разъяснять истины вѣры каждому желающему.

Наконецъ, желающей освободиться отъ власти предразсудковъ долженъ ознакомиться съ содержаніемъ наиболѣе распространенныхъ изъ нихъ, собственнымъ наблюденіемъ на опытѣ или путемъ размышленія убѣдиться въ ихъ нелѣпости и выяснить ихъ истинное происхожденіе. Вотъ въ этомъ-то случаѣ, намъ думается, читателю небезполезна будетъ наша книжка и особенно слѣдующая ея глава, къ которой мы и переходимъ.

ГЛАВА III.

**Взглядъ на нѣкоторыя супѣрія.—Лѣшій, домовой, вѣдьма.
русалки, оборотни и т. п.**

Теперь, послѣ общихъ соображеній, высказанныхъ нами выше, мы обратимся къ разбору наиболѣе распространенныхъ повѣрій, при чёмъ мы вовсе не задаемся цѣлью представить ихъ всѣ, какъ нелѣпныя, незаслуживающія вниманія заблужденія. Какъ уже сказано выше, есть повѣрія, основанныя на правильномъ наблюденіи, въ которыхъ содержится несомнѣнная истина, указать на которую составляетъ между ироичимъ нашу задачу. Мы надѣемся, что разборъ такого рода несравненно полезнѣе для читателя, нежели огульное и голословное отрицаніе.

Мы начнемъ съ вѣрованія въ тѣхъ существъ, которыя нѣкогда составляли предметъ религіознаго почитанія. Во времена христіанства народъ пересталъ считать ихъ за боговъ, но по привычкѣ и невѣжству своему до сихъ поръ не пересталъ вѣрить въ ихъ существованіе. Предстояло, следовательно, объяснить, кто же они, эти существа и откуда они возникли? Для объясненія этого выдуманы были народомъ всевозможныя басни. Обыкновенно ихъ происхожденіе объясняютъ слѣд. образомъ: При Вавилонскомъ столпотвореніи Богъ рѣшилъ смишениемъ языковъ наказать людей, дерзнувшихъ противъ Его величія. Главныхъ же его зачинщиковъ онъ ли-

шиль Своего образа и подобія, назначиль сторожить лѣса, воды, дома и т. д. И вотъ, кто въ эту минуту находился дома, сдѣлался домовымъ, кто въ горахъ — горнымъ духомъ, въ лѣсу — лѣшимъ. Этой выдумкой народъ хотѣлъ помирить свои языческія вѣрованія и воспоминанія съ новой христіанской религіей.— Но посмотримъ, какъ народная фантазія изображаетъ этихъ духовъ и какія повѣрія съ ними связаны.

Домовой, которого иначе называютъ домовикомъ, дѣдушкой, по народному повѣрію, есть духъ, живущій въ каждомъ домѣ, обыкновенно въ подпольѣ, съ мышами. Послѣднее можетъ быть объяснено тѣмъ, что отчаянная возня мышцей производить иногда шорохъ и шумъ, способный поддержать вѣру въ существованіе домового. Его представляютъ себѣ въ образѣ рослого мужика въ зипунѣ, а лѣтомъ въ рубахѣ, всегда босикомъ и безъ шапки, съ сѣдой бородой и косматыми застилающими лицо волосами; подошвы у него косматыя, что замѣтно бываетъ по слѣду, оставляемому имъ на снѣгу, возлѣ конюшни. Послѣднее повѣріе наглядно доказываетъ, какъ склоненъ суевѣрный человѣкъ видѣть нечто сверхъестественное въ самыхъ простыхъ вещахъ: слѣды домового — просто-напросто слѣды какого-нибудь животнаго: волка, собаки и т. п., но „у страха глаза велики!“ По ночамъ, когда человѣкъ спитъ глубокимъ сномъ, домовой щиплется, отъ чего на тѣлѣ остаются синяки — повѣріе, легко объясняемое тѣмъ, что синяки очень легко пріобрѣтаются, особенно людьми рабочими, которые сплющь и рядомъ ушибаются незамѣтно или забываютъ объ этомъ и потомъ, увидавъ синякъ, удивляются и видѣть въ немъ продѣлку домового. Иногда же, вскочивъ сонному на грудь, онъ душитъ его, впрочемъ, только для забавы, но никогда не на смерть: „домовой душилъ“,— такъ невѣжественные и суевѣрные люди объясняютъ у насъ состояніе кошмара, происходящее отъ неправильнаго положенія тѣла во снѣ, приливовъ крови къ головѣ, нервнаго разстройства и другихъ естественныхъ причинъ. При этомъ повѣріе прибавляеть, что

отогнать его можно только какой-либо, бранью. И это немудрено: кто может въ этотъ моментъ выбраниться, тогдѣ, вѣроятно, не испытываетъ слишкомъ сильного удушья и быстро освобождается отъ него, думая, что и дѣйствительно прогналъ домового бранью. Домовой очень любить иногда шумѣть въ домѣ, стучитъ, топаетъ, хлопасть дверьми, бросаться чѣмъ попало, никогда, вирочемъ, не попадая въ человѣка. Ясно, что этими проказами домового суевѣрный трусь объясняетъ себѣ всякие неожиданные звуки, происходящіе отъ случайныхъ причинъ: хлопнувшей отъ вѣтру двери, упавшаго отъ незамѣтнаго сотрясенія или отъ толчка пробѣжавшей кошки непрочно стоявшаго предмета и т. д. Недаромъ такого рода шутки домовой производить только на чердакѣ, въ чуланѣ и вообще въ порожней половинѣ дома и преимущественно ночью. И понятно: если подобныя вещи происходятъ днемъ, у всѣхъ на глазахъ, то они не рождаются страха, никакого не удивляютъ и для объясненія ихъ не приходится прибѣгать къ домовому.

Но особенно любить домовой проказничать въ конюшнѣ, съ лошадьми. Если лошадь ему понравится, онъ ее чистить скребницей, гладить, заплетаетъ хвостъ и гриву; если же не полюбится, то не даетъ ей ъсть, таскаеть за уши, свиасть гриву въ колтунъ, гоняетъ по ночамъ и ставить въ стоило взгнузданною. Всѣ эти выдумки охотно поддерживаются кучерами и конюхами, которымъ они на руку, и мы уже приводили случай подобнаго злоупотребленія. Говорять, что домовой не выносить козла, котораго потому и считаютъ полезнымъ держать въ конюшнѣ. Дѣло въ томъ, что козель своимъ присутствиемъ и специфическимъ запахомъ отгоняетъ ласочку и другихъ мелкихъ животныхъ, вредныхъ для лошадей.

Какъ видить читатель, каждое изъ повѣрій, связанныхъ съ домовымъ, можетъ быть объяснено самимъ естественнымъ
Повѣрія и суевѣрія.

образомъ и безъ его помощи. Но въ народѣ существуетъ по-вѣрье, что домового можно увидѣть и собственными глазами. Для этого нужно скатать такую свѣчу, которой бы хватило простоять въ пятницу у Страстей, а въ субботу и воскресеніе — у заутрени. Тогда, въ Свѣтлое Воскресеніе, между утреней и обѣдней, надо ити съ этой зажженной свѣчей въ хлѣбъ, гдѣ и увидишь дѣдушку-домового, притаившагося въ углу. Относительно этой выдумки можно сказать только, что человѣку суевѣрному и трусливому, съ разстроеннымъ воображеніемъ, да еще порядкомъ вышившему, какъ оно часто случается въ праздніе, въ полутемномъ хлѣбу можетъ померещиться все, что угодно. Мы же готовы послорить, что сколько бы разъ мы ни повторили этотъ опытъ, намъ никогда не удалось бы поговорить съ этимъ проказникомъ по той причинѣ, что онъ существуетъ только въ воображеніи суевѣрнаго труса, а никакъ не въ дѣйствительности.

Вѣдьма почти то же, что и знахарка, какъ показываетъ самое слово, происходящее отъ „вѣдать“, или знать, откуда и слово „захарь“, „захарка“. Однако, не каждую захарку народъ считаетъ вѣдьмой: захарка — обыкновенная женщина, знающая цѣлебную силу травъ и заговоровъ; вѣдьма же — существо болѣе сверхъестественное: она всегда знается съ нечистой силой, она злодѣйка, и никому не дѣлаетъ добра. Впрочемъ, она живеть съ людьми и ничѣмъ не отличается отъ каждой женщины, кромѣ небольшого хвостика, который составляетъ непремѣнную принадлежность настоящей вѣдьмы. Съ помощью нечистой силы и черезъ посредство разныхъ чаръ, травъ, лягушечьихъ костей и черной кошки, она можетъ ночью улетать черезъ трубу на помель или ухватѣ и летать по воздуху. Она умѣеть превращаться во что угодно, для чего должна перекувырнуться черезъ 12 ножей. Въ извѣстные дни, особенно на Ивана Купалу, вѣдьмы слетаются цѣлой толпой на шабашъ, т. е. праздникъ, гдѣ предаются

разнымъ неистовствамъ и необузданному разврату. Все это объясняется тѣмъ, что „колдуны“ или „колдуньи“, желая получить способность странствовать и летать по воздуху, натираются на ночь различными „чудесными“ мазями: черемицей, бѣленой, дурманомъ, аконитомъ, изъ которыхъ каждая имѣеть сильно опьяняющее, наркотическое или возбуждающее чувственность дѣйствіе. Въ этомъ состояніи ихъ посещаютъ самаго фантастического или сладострастнаго содержанія сновидѣнія, и, просыпаясь, они бываютъ увѣрены, что дѣйствительно летали по воздуху или присутствовали на шабашѣ вѣдьмъ.

У насъ вѣрованіе въ вѣдьмъ особенно распространено въ Малороссіи. Тамъ существуетъ повѣріе, что онъ облюбовали Лысую гору (или Чертово беремище, подъ Киевомъ), куда слетаются для совѣщанія съ нечистой силой о томъ, какъ дѣлать зло человѣку. Надо полагать, что на этой горѣ въ старину существовало капище, куда сходились языческие жрецы для молитвы и жертвоприношенія, почему эта гора и стала считаться излюбленнымъ мѣстопребываніемъ вѣдьмъ. Отсюда видно, что теперешнія вѣдьмы не что иное, какъ забытыя злыми языческія богини или ихъ жрицы.

Изъ вѣрованія въ существованіе вѣдьмъ проистекаетъ множество дикихъ и непонятныхъ предразсудковъ. Такъ, вѣдьмѣ приписываютъ силу „портить“ дѣвицъ и парней, вылаивать молоко у коровъ, для чего ей нужно только воткнуть ножъ въ соху, и изъ него потечетъ молоко любой, задуманной ею коровы. Дѣло въ томъ, что очень часто корова теряетъ молоко по непонятной для свѣдущаго человѣка причинѣ, а суевѣрная хозяйка приписываетъ эту потерю дѣйствію вѣдьмы. Рассказываютъ, что вѣдьмы бродятъ по свѣту и послѣ смерти, во избѣжаніе чего надо вбить въ ея могилу колъ. Онъ очень любятъ превращаться въ сорокъ, но никогда св. Алексѣй, митропол. Московскій, заклять подъ видомъ со-

роки вѣдьму, и оттого съ тѣхъ поръ не видать сорокъ на Москвѣ. Много и другихъ рассказней ходить про вѣдьмъ, и все эти небылицы поддерживаются въ народѣ знахарями изъ корыстныхъ цѣлей. Нерѣдко крестьяне замѣчаютъ въ полѣ или на лугу зеленые или желтые круги. Знахарь начинаетъ ихъ увѣрять, что онъ самъ видѣлъ, какъ ночью вѣдьмы плели на этихъ кругахъ. Распустивъ такой слухъ, знахарь ежедневно принимаетъ посѣтителей, которые являются къ нему съ деньгами и подарками, прося защиты отъ вѣдьмъ. Обобравши, какъ слѣдуетъ, своихъ односельчанъ, знахарь идетъ въ поле, сканываетъ круги,—и все кончается благополучно. Вообще, нѣть ничего легче, какъ запугать и провести суевѣрнаго человѣка, и это одна изъ причинъ, почему самые нелѣпые предразсудки такъ упорно держатся въ нашемъ народѣ.

Русалка есть также созданіе народной фантазіи, образовавшееся изъ языческаго вѣрованія въ существованіе особыхъ божествъ, населявшихъ озера, рѣки, ручьи. Но въ христіанскій времена обѣ этихъ божествахъ забыли, и происхожденіе русалокъ стали объяснять различнымъ образомъ. На Украинѣ ихъ считаютъ дѣвочками, умершими безъ крещенія, въ другихъ мѣстностяхъ—дѣвушками, утонувшими, купаясь безъ креста, или утащенными водянымъ. Послѣдній считается большакомъ надъ русалками и представляется въ видѣ нагого старика, покрытаго тиной, который живеть постоянно въ водѣ и только по ночамъ выходитъ на берегъ. Онъ очень любить сома и Ѳадить на немъ, почему въ народѣ считается непозволительнымъ Ѳесть эту рыбу, потому что она—„чертовъ конь“. Народъ представляеть себѣ водяного довольно робкимъ старикомъ. Онъ бываетъ смѣль только въ омутѣ, куда утаскиваетъ купающихся безъ креста, иногда портить мельницы и разрываетъ плотины. Впрочемъ, довольно трудно составить себѣ ясное понятіе о томъ, какъ рисуется въ народномъ воображеніи водяной, потому что

самая вѣра въ его существованіе исчезаетъ, и трудно встрѣтить крестьянина, который бы „самъ видѣлъ“ водяного.—Говоря о русалкахъ, интересно замѣтить, что у нась въ Великороссіи и особенно на сѣверѣ, ее представляютъ себѣ злой, опасной и безобразной бабой; наоборотъ, на Украинѣ, подъ благодатнымъ южнымъ небомъ, гдѣ и природа и люди выглядятъ веселѣе и жизнерадостнѣе. — тамъ и русалка представляется въ образѣ шаловливой, стройной, молодой и соблазнительно красивой дѣвушки. Уже изъ этого видно, что русалка не болѣе, какъ созданіе народной фантазіи, ибо отражается на себѣ даже характеръ создавшаго ся народа. По повѣрью, русалки ходятъ нагія, съ распущенными волосами зеленаго цвѣта. Пока русалка чешетъ ихъ, съ нея все время бѣжитъ вода; когда же на ней высохнутъ волосы — она умираетъ. Точно также пока бѣжитъ шаловливый ручеекъ, весело журча и оживляя окрестности,—зеленые водоросли, длинными нитями, какъ расчесанныя косы, тянутся и стелются вслѣдъ за его теченіемъ; но высохъ, погибъ ручеекъ, — и на днѣ его руслы остается только неподвижная, сухая, поблекшая трава! Такимъ образомъ русалка является здѣсь не болѣе, какъ живымъ, нагляднымъ изображеніемъ жизни ручья или рѣчки, поэтическимъ созданіемъ народной фантазіи. А между тѣмъ вѣра въ ихъ существованіе упорно держится въ народѣ до сихъ поръ, и имъ приписываются различные пропѣлки. Сказываютъ, что онѣ, выходя изъ воды, рѣзвятся на берегу при дунномъ свѣтѣ, хохочутъ, поютъ, пляшутъ, качаются на вѣтвяхъ прибрежныхъ ракитъ, а если заманять къ себѣ молодца, то для потѣхи защекочутъ его до смерти: онѣ очень тоскуютъ безъ мужчинъ, и потому всѣми силами стараются соблазнить и задушить молодца къ себѣ. Особеною свободою, по народному повѣрью, русалки пользуются въ первую недѣлю за Троицкимъ днемъ, въ такъ называемую русальную недѣлю. Это ложное убѣжденіе такъ сильно развито у крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей,

что иные въ эти дни боятся даже подходить къ водѣ. На Украинѣ же въ это время устраиваются разныя игры въ честь русалокъ, которыхъ образовались, вѣроятно, изъ прежнихъ языческихъ празднествъ въ честь рѣчныхъ боговъ. Но эти празднества были забыты и обратились въ простыя увеселенія.

Лѣпій, или лѣсовикъ, власть которого ограничивается лѣсами и который, по народному повѣрію, живетъ въ густыхъ камышахъ и лѣсныхъ трущобахъ, является человѣку въ различныхъ видахъ, но чаще всего въ образѣ дряхлого старика. Вѣра въ лѣшаго, какъ и во всѣхъ, выше приведенныхъ существъ, основывается на языческомъ вѣрованіи въ особое божество, управлявшее лѣсомъ, въ которое вѣрили древніе славяне, а также греки и римляне подъ именемъ Фавна, Сатира. Хотя народъ уже не видитъ въ немъ божества, но не перестаетъ еще вѣрить въ его существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ лѣсу, который у насъ иногда тянется на нѣсколько десятковъ верстъ, такъ много своеобразной жизни: подъ сводами вѣковыхъ дубовъ и сосенъ господствуетъ таинственный полумракъ, и торжественная тишина часто оглашается неожиданными страшными звуками — крикомъ звѣря или филина, трескомъ упавшаго гиганта-дерева; тамъ такъ легко сбиться съ пути и, проилутавъ цѣлый день, сиять очутиться, къ ужасу своему, на прежнемъ мѣстѣ... Вотъ эти-то особенности лѣсной природы и поддерживаютъ вѣру въ существованіе лѣшаго и въ его пріѣлки: по народному повѣрію, онъ любить кричать въ лѣсу, заводить, сбивать съ пути и, когда это удается, хохотать и хлопаетъ въ ладони.

Оборотень, или вовкулака, — существо, которое мечется подъ ноги, перебѣгаєтъ дорогу, принимая самыя разнообразныя формы, то въ видѣ собаки, кошки, совы, то въ видѣ клубка нитокъ, комка сѣна или камня, но всегда такъ быстро, что его нельзя разсмотретьъ. Днемъ его очень рѣдко при-

ходится видѣть, но онъ гуляетъ и проказничаетъ въ сумерки и особенно ночью. Отсюда ясно, что суевѣрные и трусливые люди считаютъ оборотнемъ все то, чего они не разглядѣли или чего внезапно испугались, что, конечно, особенно часто бываетъ въ сумерки или ночью. Словомъ, если мужикъ видѣлъ что-нибудь, но самъ не знаетъ что, то это, навѣрно, и быть оборотень.

ГЛАВА IV.

О гаданіяхъ.—Знахарство.—Заговоръ.

Знахарство, колдовство и ворожба — понятія, довольно близкія между собою, однако далеко не тождественныя. Нароль подъ знахаремъ разумѣеть человѣка, который умѣеть отводить или слизывать сглазъ, снимать порчу, излѣчивать болѣзни, угадывать вора и т. п., тогда какъ колдунъ, или вѣдунъ, по народному повѣрью, всегда вѣдается, подобно вѣдьмѣ, съ нечистой силой и прибѣгааетъ къ ея чарамъ. Впрочемъ, мы должны замѣтить, что, къ счастію, вѣра въ колдовство, какъ наиболѣе грубое проявленіе язычества, почти совсѣмъ исчезла даже изъ глухихъ уголковъ нашего отечества, исключая развѣ его отдаленныхъ сѣверн. и восточн. окраинъ, гдѣ населеніе еще придерживается язычества. Что касается третьяго изъ перечисленныхъ выше вѣрованій—ворожбы, то подъ нимъ разумѣются обыкновенно только гаданіе, способность отгадывать, причемъ народъ эту способность вовсе не приписываетъ нечистой силѣ, а просто вѣритъ въ особый ларь предвидѣнія, не пытаясь объяснять этого явленія. И мы должны признаться, что въ данномъ случаѣ непосредственное чувство не совсѣмъ его обманываетъ. Теперь можно считать, несомнѣнно доказаннымъ, что нѣкоторые люди обладаютъ способностью предвидѣть или, лучше сказать, предчувствовать будущее и предсказывать его. Повидимому, это явленіе

находится въ связи съ особымъ, гипнотическимъ, какъ его называютъ, состояніемъ временнаго, болѣзнишаго или искусственно вызванного крайняго напряженія и подъема человѣческаго духа надъ повседневнымъ, будничнымъ міромъ. Но это состояніе еще слишкомъ мало изучено и лишь недавно стало состояніемъ науки. Поэтому въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ надо быть особенно осторожнымъ. Однако, мы смѣло выскажемъ наше крайнес убѣжденіе въ томъ, что всѣ обычные и, къ сожалѣнію, столь широко распространенные, особенно въ нашихъ деревняхъ, виды гаданія, ворожбы, снотолкованія—суть не что иное, какъ самое беззастѣнчивое и наглое шарлатанство, производимое въ расчетѣ на легкую наиву, на эксплоатацию суевѣрной, темной массы деревенскаго люда. Нашъ совѣтъ каждому — никогда не прибѣгать къ помощи ворожей и снотолкователей. Иногда обмань, къ которому прибѣгаютъ гадатели, бываетъ чрезвычайно простъ, и только слишкомъ наивные, неразвитые или ослѣпленные суевѣріемъ люди могутъ его не замѣтить. У Цаля разсказывается случай, какъ офицеръ, желая уличить нѣкоего Карпа, которого онъ подозрѣвалъ въ кражѣ, „собралъ мужиковъ въ избу и объявилъ имъ, что у него есть волшебная стрѣлка, которая сама укажетъ на вора. Заставивъ всѣхъ мужиковъ напередь перекреститься, сложить папки въ кучу и повернуться по солнцу, онъ разставилъ ихъ, какъ ему нужно было, вынулъ свой комнастъ и дать свободу стрѣлкѣ: мужики со страхомъ глядѣли на волшебную стрѣлку, которая, къ ихъ безконечному изумленію, указала прямо на Карпа, поставленнаго нарочно на сѣверъ. Карпъ едва не обмеръ, падъ въ ноги и повинился“. Надо замѣтить вообще, что иные изъ людей, посвятившихъ себя этому ремеслу, отличаются большими способностями, хитрымъ, изворотливымъ и проницательнымъ умомъ и, постигая истину чутьемъ, наугадъ, являются въ глазахъ толпы существами, одаренными таинственными, сверхъестественными силами, тѣмъ больше, что гадатели, для отвода

глазъ, прибѣгаютъ обыкновенно къ таинственнымъ средствамъ, въ родѣ сущенаго волчьяго сердца, медвѣжьяго мяса и т. п.

Что касается снотолкователей, то это, конечно, простые шарлатаны, хотя мы и не отрицаемъ возможности „вѣщихъ“ сновъ. Мы лично и очень близко знаемъ особу, которая передъ полученiemъ отъ кого-либо письма почти постоянно видитъ наканунѣ это лицо во снѣ, а иногда и какое-либо событие, действительно сбывающееся въ скромъ времени. Однако, несомнѣнно то, что подобные случаи и лица очень рѣдки: ихъ способность есть результатъ особаго болѣзnenнаго, невропатического состоянія. Сны же у большинства здоровыхъ людей бываютъ обыкновенно слѣдствиемъ событий, думъ или бесѣдъ въ теченіе прожитаго дня, или же обусловливаются физическими причинами, особенно притивомъ крови къ той или другой части мозга, изъ которыхъ каждая завѣдуетъ какимъ-либо однимъ отиравленiemъ душевной жизни.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о святочныхъ гаданіяхъ. Гаданіе вообще ведетъ свое начало со временемъ язычества, когда вѣрили, что божества открываютъ жрецамъ свою волю черезъ гаданія. Для христіанина же, который вѣритъ въ благой Промыселъ Божій, гаданіе есть занятіе грѣховное, тѣмъ болѣе въ праздникъ. Большинство, впрочемъ, смотрятъ на святочныя гаданія какъ на игру, забаву, но есть люди, которые и вѣрять въ нихъ. Гаданія эти чрезвычайно разнообразны: строить изъ луchinъ надъ чашкой воды мостикъ и ставить его подъ кровать—суженый приснится и поведеть по мосту; кладутъ гребень подъ подушкой—суженый почешется и оставить волосокъ, ставить два прибора въ банѣ, дѣвушка садится къ полуночи, и суженый является ужинать; ставить зеркало и свѣчи, дѣвушка сидѣть передъ ними и должна увидѣть сущенаго; бросаютъ банимачекъ за ворота—куда ляжетъ носкомъ, туда ити дѣвушкѣ; пускаютъ пѣтуха, и къ кому онъ подойдетъ, тому

итти замужъ или жениться; подслушивають подъ окнами и и изъ этого выводятъ заключеніе о будущемъ; выливаютъ олово, воскъ, жгутъ бумагу и смотрятъ на тѣнь, даваемую этими предметами на стѣнѣ.—Иная изъ этихъ гаданій весьма невиннаго свойства и, какъ забава, могутъ быть допущены, хотя людямъ, особенно впечатлительнымъ и нервнымъ, мы не совѣтуемъ заниматься этимъ. Бывали случаи, когда молодые люди, особенно нервныя дѣвицы, впадали въ полное уныніе, заболѣвали нервною горячкою отъ испуга, увидѣвъ тѣнь въ видѣ гроба и заключая отсюда и близости своей смерти. Особенно опасно въ этомъ отношеніи гаданіе съ зеркаломъ, которое обыкновенно производится въ полномъ одиночествѣ, когда подъ вліяніемъ ожиданія, страха и напряженія зрѣнія на одной точкѣ у гадающей являются самыя ужасныя галлюцинаціи, способныя оказать гибельное послѣдствіе на нервную систему—первый ударъ подъ вліяніемъ испуга.

Теперь намъ слѣдуетъ поговорить объ одномъ явленіи, которое столько же нагубно и печально, сколько и распространено среди нашего темнаго люда—о явленіи, съ которымъ, по нашему мнѣнію, долженъ бороться каждый благомыслящій человѣкъ. Это явленіе—знахарство и съ нимъ вѣра въ силу заговора. Выше мы уже говорили, что разумѣеться народъ подъ именамъ знахаря. Кто, живя въ деревнѣ, не слыхалъ о знахаряхъ, знахаркахъ, къ которымъ нанѣ крестьянинъ прибѣгаешь во всѣхъ особенно затруднительныхъ случаяхъ его жизни, и преимущественно въ болѣзняхъ. Только съ недавнихъ поръ народъ сталъ понемногу покидать это заблужденіе и оказывать видимое предпочтеніе врачамъ и медицинской наукѣ. Но недалеко то время, когда знахарь былъ въ деревнѣ единственнымъ докторомъ, человѣкомъ, пользующимся всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Мы, не обинуясь, скажемъ, что знахарство, въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ сей-часъ, есть не что иное, какъ наглое шарлатанство, проистекающее изъ желанія ноживиться насчетъ легковѣрной публики. Исключенія очень рѣдки: если бываютъ случаи дѣй-

ствительной помощи, оказываемой знахарями, то они объясняются гипнотическим состояниемъ, дѣйствиемъ внушенія или примѣненіемъ при заговорѣ цѣлебныхъ травъ, лѣчебное свойство которыхъ давно, хотя и безсознательно, подмѣчено народомъ. Извѣстно, что весьма многія народныя средства, бывшія прежде предметомъ осмѣянія, въ настоящее время признаны наукой и вошли во всеобщее употребленіе. Иные изъ народныхъ средствъ еще не нашли себѣ научного объясненія, хотя они, быть можетъ, и дѣйствительны. Вотъ, напримѣръ, народное средство, въ отличномъ дѣйствіи которого В. Даля убѣдился на основаніи 30 случаевъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. „Передъ приступомъ лихорадки обкладываютъ мизинецъ лѣвой руки внутренней пленкой сырого курина яйца, а чтобы уберечь ее, обматываютъ палецъ тряпичкой. Я—говорилъ Далярбы—былъ однажды свидѣтелемъ, где опытный врачъ приходилъ въ отчаяніе отъ недѣйствительности аптечныхъ средствъ противъ злой лихорадки, и яичная пленка спасла больную! Вотъ примѣръ такого явленія, которое и не могло бы, кажется, заслуживать никакой вѣры; множество разумниковъ готовы кричать „вздоръ“, но я попрошу изслѣдователю на опытъ, а потомъ судить и писать приговоръ“. Мы лично знаемъ случай, когда молодая девица находилась при смерти отъ опухоли въ горлѣ, грозящей задушеніемъ; старушка — мать, бывшая больницею знатокомъ въ народной медицинѣ, прибѣгла къ самому простому средству: она обложила горло больной дочери селедкой, и на другой день — болѣзнь, какъ рукой сняло. Однако мы утверждаемъ, что громадное большинство народныхъ средствъ — выдумки, не заслуживающія ни малѣйшаго довѣрія. Вотъ, напримѣръ, какъ совѣтуютъ поступать отъ ячменя: самый младший изъ братьевъ и сестеръ долженъ показать кукишъ больному глазу, но чтобы никого при томъ не было; иные совѣтуютъ говорить при этомъ: „Ячмень, ячмень, вотъ тебѣ кукишъ,—что захочешь, то себѣ купиши; купи себѣ запорокъ, переселись понерекъ“; приговаривая это трижды, про-

вести по ячменю пальцемъ. Отъ желтухи берутъ въ руку живую щуку и глядять на нее до тѣхъ поръ, пока она не уснетъ; грыжу предлагаютъ мазать конскимъ мозгомъ или собачьей кровью; отъ зубной боли — „змѣю живую добыть, вынуть изъ нея желчь изъ живой, а буде змѣя безъ желчи съ того мѣста сползла, и той желчю мазать, и въ тотъ часъ жерви (черви) пропадуть, а буде съ того мѣста змѣя безъ желчи не ползетъ — и въ той желчи нѣть пособія“. Отъ брюшныхъ болѣзней употребляютъ слѣдующее дикое средство. Знахарь требуетъ миску, пеньки и кружку. Миску съ водой ставить больной на животъ, пеньку зажигаетъ и горящей пенькой обматываетъ больную. Ожоги на тѣлѣ больной приписываютъ знахарю тому что черезъ обожженное мѣсто выходить болѣзнь, которая тутъ находилась; пеньку послѣ того знахарь кладеть въ кружку, а кружку въ миску и начинаются наговоры въ то время, какъ больная вопить отъ боли, а окружающіе считаютъ эту вопль удаленіемъ нечистой силы. Въ прибавленіи читатель найдетъ не менѣе дикос средство, употребляемое въ Архангельской губ. при родахъ.

Невольно задаешься вопросомъ, какимъ образомъ подобный вздоръ можетъ пользоваться довѣріемъ и удерживаться въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Здѣсь прежде всего дѣйствуютъ тѣ же общія причины живучести народныхъ суевѣрій, о которыхъ было говорено выше. Эти причины суть привычка съ которой бороться трудно, особенно для темнаго человѣка, невѣжество, умственная неразвитость, наконецъ, склонность приписывать подобному шарлатанству особое значеніе, разъярено, хотя бы благодаря простой случайности, оказалось дѣйствительнымъ средствомъ и яко бы принесло исцѣленіе. Всѣ люди склонны къ извѣстной логической ошибкѣ, благодаря которой между двумя событиями, слѣдовавшими непосредственно одно за другимъ, они находятъ всегда причинную связь, хотя бы это совпаденіе по времени было простою случайностью. Спросите любого суевѣрнаго человѣка, почему

онъ думаетъ, что больному помогло именно средство знахаря, что это „очевидно“, потому что „послѣ этого“ больному сдѣлалось лучше. Наконецъ, здѣсь дѣйствуетъ еще одинъ мотивъ—психологического характера: человѣкъ, попавшій въ безысходную бѣду, какъ хватающійся за соломинку утонающій, придумываетъ хоть что-нибудь, лишь бы не оставаться празднымъ и успокоить свою совѣсть поданіемъ мнимой помощи. При этомъ нерѣдко бываетъ, что при заговорѣ отъ болѣзни даются дѣйствительныя врачебныя средства, какими, какъ сказано, въ изобиліи обладаетъ народная медицина. Такъ, упоминаемое нами выше средство успокоить кричащаго младенца можетъ оказаться дѣйствительнымъ, потому что маковая вода имѣеть, какъ известно, снотворное дѣйствіе. Не проще ли дать ему этой воды, не прибѣгая къ помощи знахаря, безмысленныхъ нашептываній и безцѣльного тасканія ребенка на чердакъ? Но суевѣрный человѣкъ охотнѣе вѣрить въ средство, если оно скрыто подъ таинственной личиной заговора. Мы въ подобныхъ случаяхъ рекомендуемъ, не относясь съ презрѣніемъ къ самому средству, безусловно откинуть всю ту шарлатанскую обстановку, которою сопровождается его приемъ, а главное — обходиться безъ помощи знахаря. Лишеніе пациентовъ, а слѣдовательно, и доходовъ, скорѣе всего освободить общество отъ этой язвы, отъ этого наслѣдія языческихъ временъ. Приглашеніе знахарей, ихъ шутовскія манипуляціи и продолжительныя нашептыванія часто очень вредны, потому что оставляютъ больного безъ разумной помощи въ самую нужную минуту; особенно при переломахъ, вывихахъ, гдѣ для предотвращенія дурныхъ послѣствій необходимо быстрое, немедленное вмѣшательство опытного костоправа или хирурга. Народъ, какъ сказано, совершенно превратно оцѣниваетъ помощь знахаря: онъ видитъ ее именно въ тѣхъ безмысленныхъ словахъ, которые толь бормочетъ, а вовсе не въ тѣхъ медикаментахъ, которые онъ даетъ больному. Теперь съ несомнѣнностью доказано, что вѣра въ предлагаемое средство, въ самого врача—

имѣть огромное значеніе во врачебномъ дѣлѣ. Явленіе это опять-таки находится въ связи съ гипнотизмомъ, какъ врачебнымъ средствомъ; твердая увѣренность, что лѣкарство окажеть несомнѣнную пользу, имѣть то же дѣйствіе, что и внушеніе, производимое съ помощью гипнотизера, съ тою только разницей, что это будетъ скорѣе самовнушеніе. Недаромъ и въ народѣ существуетъ повѣріе, что заговоръ дѣйствуетъ только на вѣрующаго въ него. При томъ народѣ вѣрить, что усилѣхъ въ своемъ дѣлѣ имѣть только тотъ, кто умѣеть произносить заговоръ, какъ слѣдуетъ—съ чувствомъ и съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ пріемовъ и обрядовъ. Онь вѣрить, слѣдовательно, въ силу духа, въ возможность воздействиія одной воли на другую и въ таинственный, еще неизвѣстный силы природы. Въ примѣръ и доказательство нашей мысли мы приведемъ слѣдующій случай заимствованный нами изъ сочиненій Даля. „Молодой человѣкъ, безъ памяти влюбившійся въ девушку, очень ясно понималъ, что она ему не можетъ быть четой. Ему долго казалось, что въ безкорыстной страсти его нѣть ничего преступнаго, что онъ счастливъ и доволенъ однимъ этимъ чувствомъ. Но, съ теченіемъ времени все болѣе убѣждаясь въ невозможности соединиться бракомъ съ возлюбленной, онъ воспользовался совѣтами добрыхъ людей — искать помощи въ таинственныхъ чарахъ: встать на самой зарѣ, выйти, не умывшись, въ чисто поле, умыться росою съ семи травъ, дошедши до мельницы спросить у мельника топоръ, сѣсть на бревно верхомъ, положить на него передъ собою щенку, проговорить заговоръ, глядя на эту щенку, и, поднявъ топоръ выше головы, при послѣднемъ словѣ: „и не быть ей въ умѣ, въ помыслѣ моемъ, на ретивомъ сердцѣ, въ буйной головушкѣ, какъ не срастись щенѣ перерубленной,—аминъ“, ударить сильно топоромъ со всего размаха, пересѣчь щенку пополамъ, кинуть топоръ вѣво отъ себя и бѣжать безъ оглядки вправо, домой, крестясь дорогой, но не оглядываться: станеть легко. И что же — благородная рѣщимость молодого че-

ловъка въ этомъ безтолковомъ средствѣ нашла сильную подпору. Онъ возвратился отъ мельницы веселый, спокойный. Всльдъ затѣмъ онъ возвратилъ дѣвицѣ полученную отъ нея записку нераспечатанной. И съ этого дня о несчастной любви не было болѣе и рѣчи!—Мы прибавимъ, что подобныхъ случаевъ множество, почему мы и не рѣшаемся вовсе отрицать дѣйствие заговоровъ. Трудно допустить, чтобы повѣrie, пережившее многія столѣтія, не содержало въ себѣ никакого толку и смысла. Задача заключается не въ томъ, чтобы осмѣять или голословно отвергнуть то или другое повѣrie, а въ томъ, чтобы составить о немъ правильное понятіе и поступать сообразно съ здравымъ убѣженiemъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы знаемъ истинныя причины воздействиia заговора, мы уже не будемъ относиться къ этому средству съ суевѣрнымъ страхомъ и прибѣгать къ нему кстати и не-кстати, не будемъ также прибѣгать къ деревенскимъ шарлатанамъ, которые сами не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что дѣлаютъ, но обратимся къ врачу, психіатру, разъ рѣшили лѣчиться внушениемъ. Этимъ мы избѣжимъ множества дурныхъ послѣствій, связанныхъ съ суевѣрнымъ преклоненiemъ передъ знахарствомъ и заговорами. Надо сказать, что то и другое есть излюбленное средство нашего простонародья, которое прибѣгааетъ къ нимъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни, очень часто тамъ, гдѣ они совершенно неумѣстны, гдѣ ни о какомъ внушеніи не можетъ быть и рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, заговоры чрезвычайно разнообразны по отношению къ тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ они примѣняются. Такъ, существуютъ заговоры отъ всевозможныхъ болѣзней, заговоры воинскіе, любовные—приворотные и отворотные, на присущеніе, отъ тоски, отъ полового безсилія; заговоры на пчель, охотничьи, торговые, отъ нечистой силы, отъ сглазу и порчи, и даже заговоры, помогающіе яко бы добиться успѣха у начальства—такъ назыв. „подходные“. Многіе изъ нихъ весьма непристойнаго содержанія, въ другихъ рядомъ съ безсмысленными или позорными словами упоминается имя Божіе

или святыхъ, такъ какъ они обыкновенно сопровождаются молитвой или краткимъ обращенiemъ къ Богу, такъ что прибѣгать къ нимъ не только бесполезно, но для христіанина—грѣшино и позорно.

До какой степени народъ увѣренъ, что главную роль играютъ именно слова заговора, правильность и полнота его произнѣпенія, показываетъ слѣдующее преданіе, существующее въ народѣ: „Нѣкто заговорился отъ ружья, отъ пули свинцовой, мѣдной, чугунной, желѣзной, стальной, крылатой, пернатой, а отъ серебряной и золотой—позабыть. Это узнали и убили его серебряной пулькою“. Подобное отношеніе къ заговору есть, конечно, заблужденіе, но частица правды и здѣсь есть. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительны именно слова, а не медикаменты, даваемые при заговорѣ. Но сила заключается вовсе не въ томъ наборѣ словъ, какой именно слѣдуетъ произвести въ томъ или другомъ случаѣ, и не въ порядкѣ этихъ словъ, а въ томъ настроеніи, съ которымъ они произносятся и выслушиваются больными.

Съ вѣрою въ силу заговора связано не мало другихъ суевѣрій. Существуетъ, напримѣръ, повѣріе, что передать силу заговора можно только младшему по возрасту. Если кто обнаружить заговоръ гласно, то лишится способности заговаривать, и заговоръ въ его устахъ обратится въ пустыя слова. Много значить, по народному повѣрю, чтобы у знахаря были цѣлы зубы, иначе заговоръ его не будетъ имѣть силы. Постѣднее было, вѣроятно, когда-нибудь придумано для изъясненія неуспѣха заговора и, конечно, не имѣть никакого смысла само по себѣ. Какому врачу, въ случаѣ неуспѣшности внушенія, придется въ голову ссыльаться для оправданія на свои плохіе зубы! Чтобы знахарь несликомъ злоупотреблять своимъ дарованіемъ для эксплоатации близкихъ, народъ придумалъ оговорку, что человѣкъ, употребивший заговоръ въ зло, теряетъ способность заговаривать: жалкое оружіе, съ помошью котораго невѣжественный человѣкъ

тарается защититься отъ эксплоатациі своего невѣжества. Многіе заговоры считаютъ нужнымъ почему-то читать нато-щакъ, другіе—на порогъ или въ чистомъ полѣ, лицомъ къ востоку, по легкимъ днямъ (вторникъ, среда, суббота); иные читаются на вѣтеръ, на воду, на пряникъ, надъ березовыми сучьями и т. п. Все это, конечно, шарлатанскіе пріемы, приуманные съ цѣлью подействовать на воображеніе и возбудить довѣrie.

Что касается содержанія, формы, состава и различныхъ видовъ заговоровъ — интересующійся читатель найдетъ это въ ниже слѣдующемъ прибавленіи, заключающемъ въ себѣ собраніе наиболѣе распространенныхъ у насъ заговоровъ.

Прибавленіе.

ГЛАВА V.

ЗАГОВОРЫ.

Заговоры отъ истечения крови. *Отъ поръза:* На морѣ на океанѣ на островѣ на Буянѣ лежить бѣль горючъ камень Алатырь. На томъ камнѣ Алатырѣ сидить красная дѣвица, швея-мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, руда желтую, зашиваетъ раны кровавыя. Заговариваю я раба (такого-то) отъ поръза. Булатъ прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

Заговорить кровь: Фу ты, Боже мой, ни крови, ни раны—чистая рана—ни синей опухоли. Ни ножомъ не сѣклось, ни топоромъ, никакимъ инструментомъ, и нѣть у раба Божія (имя рекъ) ни щикоты, ни ломоты, ни синей опухоли.

Чтобы не шла кровь изъ раны: Баба шла по дорогѣ, собаку вела за собой; баба пала, собака пропала; руда стань, больше не кань.

Заговоры о тоскѣ. *Заговоръ красной дѣвицы отъ тоски:* Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, отъ пути до перепутья пролегала путь дороженька, всѣмъ

дорогамъ старшая, большая. По той дорогѣ шли дщери Продовы, несли въ рукахъ пруты Ивовы. А шли они въ міръ кости сушить, тѣло знобить, недугами мучить. Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря среди бѣлокаменной Москвы стоять теремъ боярскій; въ томъ теремѣ боярскомъ сидѣть красная дѣвица въ тоскѣ, по незнанему бѣдѣ. Вы, дщери Продовы, не ходите по пути по дороженькѣ, на міръ кости знобить, тѣло сушить, людей мучить, а идите вы во чисто поле на травушку, со муравушкой, да на ту травушку, гдѣ сидѣть тоска со кручиной, и велите вы тоскѣ со кручиной, чтобы онъ изгнали изъ ретива сердца красной дѣвицы, у рабѣ (такой-то) наносную тоску, а не покориться вамъ тоска, ино вы учните бить во пруты Ивовы. Заговариваю симъ моимъ заговоромъ крѣпко-на-крѣпко. А кто мой заговоръ возодолѣеть, и ему провалиться сквозь таръ-тарары.

Заговоры отъ задумчивости и печали: Крестъ, крестомъ крестъ. Человѣкъ родися, крестъ водрузися и сатана связася, Богъ прославися, во имя Отца и Сына и Св. Духа, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, (напиши крестъ и въ немъ сіи слова и повѣсь на крестѣ).

Заговоры воинскіе. *Заговоръ отъ ратныхъ орудий:* Летѣль орелъ изъ-за хвалынского моря, разбросаль кремни и кремницы по крутымъ берегамъ; кинулъ громовую стрѣлу ва сырью землю, и какъ отродилася отъ кремня и кремницы искра отъ громовой стрѣлы—поломя, и какъ выходила грозная туча и какъ проливалъ сильный дождь, при чемъ покорились и поклонились селитра, порохъ, смирнымъ-смирнеонъко. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня (такого-то) и моего коня искры и пули не пробивали, и тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. Слово мое крѣпко!

Заговоръ ратного человѣка, идущаго на войну: Встану я рано, утренней зарею, умоюсь холодной водою, утрусь сырой землей, завалюсь за каменной стѣной Кремлевской. Ты, стѣна

Кремлевская, бей враговъ, супостатовъ, дюжихъ татаръ, злыхъ татарченковъ, а быль бы изъ нея цѣль и невредимъ. Лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой зарѣ, во стану ратномъ есть могучіе богатыри княжей породы изъ дальнихъ странъ соратной Русской земли. Вы, богатыри могучи, перебейте татаръ, полоните всю татарскую землю, а я быль бы изъ-за васъ цѣль и невредимъ. Іду я во кровавую рать татарскую, бью враговъ и супостатовъ, а быль бы я цѣль и невредимъ. Вы раны тяжелыя не болите, вы, раны бойцовъ, меня не губите вы, пищали, меня не десятерите, а быль бы я цѣль и невредимъ. Заговариваю я раба (такого-то) ратнаго человѣка, идущаго на войну симъ моимъ крѣпкимъ наговоромъ. Чурь, слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

Заговоры любовные. *Заговоръ молодца на любовь красной девицы:* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буйнѣ лежить тоска, бьется тоска, убивается тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ полымя, изъ полымя выбѣгалъ сатанина, кричитъ „Навушка Романея, бѣги поскорѣе, дуй рабъ (такой-то) въ губы, въ зубы, въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба (такая-то) тосковала всякий часъ, всякую минуту, по полудню, по полуночамъ, щла бы не заѣла бы, пила бы не запила, спала бы, не заспала, а все бы тосковала, чтобы я ей быть лучше чужого молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговоръ 77-ю замками 77-ю цѣпями, бросаю ключи въ Окіань-море, подъ бѣль горючъ камень Алатырь. Кто мудренѣе меня взыщется, кто перетаскаетъ несокъ со всего моря, тотъ отгонитъ тоску.

На разжженіе девичьяго сердца: Встану, я рабъ Божій (имя рекъ) благословляясь, пойду перекрестясь изъ избы дверями, изъ двора — воротами въ чистое поле, ногляжу я, посмотрю подъ восточную сторону. Подъ восточной стороной стоять есть 3 печи: печка мѣдная, печка жалѣзная, печка кирпич-

ная. Какъ онъ разожглись, распалились отъ неба до земли, такъ бы разжигало у рабы Божией (имя рекъ) къ рабу Божьему (имя рекъ), легкое, печень и кровь горячу; не можно бы ей ни жить, ни быть, ни есть, ни пить, ни стать, ни лежать — все на умъ меня держать. Недоговорено переговорено, простирайте мои слова пуще востраго ножа и рысьяго когтя.

Для присухи мужчины: Изъ свѣтлаго вѣника берется прутокъ, который кладутъ на порогъ двери, въ которую пройдетъ тотъ, для кого назначена присуха. Какъ только перешагнуть черезъ пруть, то пруть убирается въ такое мѣсто, гдѣ его никто не могъ бы видѣть. Потомъ берутъ пруть и кладутъ въ жарко натопленной банѣ на полокъ, приговаривая Какъ сохнетъ этотъ пруть, пускай сохнетъ по мнѣ рабъ Божій (такой-то).

На разжжение сердца у девицы: Встану не благословясь, пойду не перекрестясь въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ терновъ кустъ, а въ томъ кусту сидитъ толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь тебѣ, толстой бабѣ, сатаниной угодницѣ, и отступлюсь отъ отца и отъ матери, отъ роду и племени. Поди, толстая баба, разожги у красной девицы сердце по мнѣ рабѣ (имя рекъ).

На прилученіе парня: Пойду я въ чистое поле; есть въ чистомъ полѣ бѣлый кречеть; попрошу я бѣлаго кречета — слетать бы онъ въ чистое поле, въ синее море, въ крутыя горы, въ темныя лѣса, въ зыбучія болота и попросить бы онъ окаянную силу, чтобы дала она ему помошь сходить ему въ высокій теремъ и застать его хошь бы середка темной ночи соннаго; сѣсть бы бѣлый кречеть на бѣлую грудь, на ретивое сердце, на горячую печень и вложилъ бы рабу Божію (имя рекъ) изъ своихъ окаянныхъ усть, чтобы онъ не могъ безъ рабы Божией (имя рекъ) ни жить, ни быть, ни пить, ни есть.

На модскую любовь: Стану я, рабъ Божій, поутру благословясь и перекрестясь; выйду я на чисто поле, погляжу на

всѣ четыре стороны: на восточной сторонѣ стоятъ святая церковь, какъ на эту церковь смотрять и заряется, такъ бы на раба Божія смотрѣли и зарились старыя старухи, старые старики, маленьkie ребята, красныя дѣвицы, молодыя молодицы, смотрѣли и зарились на раба Божія (имя рекъ). Будьте слова мои крѣпки и емки, какъ ключи подземельные. Аминь.

Заговоры оступные, противолюбовные. *На оступу между молодцемъ и дѣвицей:* Какъ мать быстра рѣчка Волга течеть, какъ пески со песками споласкиваются, какъ кусты со кустами свиваются, такъ бы рабъ (такой-то) не водился съ рабою (такой-то) не въ любовь, ни въ юность, ни въ ярость. Какъ въ темной темницѣ и въ клѣвнице есть не жить простоволосымъ, долговолосымъ и глаза выщучивши, такъ бы раба (такая-то) казалась ему (такому-то) простоволосой и долговолосой и глаза выщучивши. Какъ у кошки съ собакой, у собаки съ россомахой, такъ бы и у раба (такого-то) съ рабою (такой-то) не было согласія ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ набѣдокъ. Слово мое крѣпко.

Заговоръ на оступу между мужемъ и женой: Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь ни дверьми, ни воротами, а дымнымъ окномъ, да подвальными бревнами; положу шапку подъ пяту, подъ пяту не на сырь землю, да въ черный чоботъ, а въ томъ чоботѣ побѣгъ я въ темный лѣсъ, на болыло озерище; въ томъ озеришѣ плыветъ челнище, въ томъ челнищѣ сидитъ черть съ чертицей. Швырну я съ подъ пятъ шапку въ чертище. Что ты, чертице, сидишь въ челнищѣ со своей чертицей. Сидишь ты, чертице, прочь лицомъ отъ своей чертицѣ; пойди ты, чертице, къ людямъ въ пепелище; посели, чертице, свою чертицу, къ такому-то въ избище, не какъ ты, чертице, съ своей чертицей живутъ людища мирно любовно, другъ друга любятъ, чужихъ ненавидятъ. Ты чертице, вели чертицѣ, чтобы она, чертице, распустила волосинца; какъ жила она съ тобою въ челнищѣ, такъ жиль бы такой-то со своей женой въ избищѣ: чтобы онъ ее ненави-

видѣль; не походя, не подступя разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у неї по тѣлу, на рожество; не могла бы ему ни въ чемъ угодить и опротивѣла бы ему своей красотой, омерзѣла бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ отступить отъ тебя, какъ легко достать шапку изъ озеринца тебѣ, чертицу хранить шапку въ озеринцѣ отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злого колдуна, чтобы не могли ее ни рыбы съѣсть, ни рыбакъ достать, ни злой колдунъ отколдовать на миръ и на ладъ. И вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слону.

Наговоръ на разлученіе: Чортъ идетъ водой, волкъ идетъ горой, они вмѣстѣ не сходятся думы не думаютъ, плоды не плодятъ, плодовыхъ рѣчей не говорятъ, такъ бы у раба Божія (такого-то) мысль не мыслили, плодовъ не плодили, плодовыхъ рѣчей не говорили, а все бы какъ кошка да собака жили.

Заговоръ на остуду: Стану я рабъ (такой-то), не благословясь, и пойду, не перекресться, и пойду изъ избы не дверьми, изъ воротъ не воротами, выйду подвальнымъ бревномъ и дымнымъ окномъ въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ бѣжитъ рѣка черна, по той рѣкѣ черной ѹдеть чортъ съ чертовкой и водяной съ водяничкой. На одномъ челнѣ не сидять и въ одно весло не гребутъ, одной думы не думаютъ и совѣты не совѣтуютъ, такъ бы рабъ Божій (такой-то) съ рабою Божіей (такая-то) на одной лавкѣ не сидѣли, въ одно бы окно не глядѣли, одной бы думы не думали, одного совѣта не совѣтывали. Собака бѣла, кошка сѣра — одинъ змѣинный духъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Заговоры противъ нечистой силы. Заговоръ отъ дьявола: Отыди дьяволе отъ храму и отъ дому сего, отъ дверей и отъ всѣхъ четырехъ угловъ. Нѣть тебѣ дьяволе, части и участья, мѣста и покою. Вздѣсь крестъ Господень, Матерь Христова, Пресвятая Богородица, святый Петръ, святые евангелисты: Иоаннъ, Лука, Маркъ, Матѳей, святые архангелы: Михаилъ, Гавриилъ, Рафаилъ.

Силы небесныя ликовствуть, здѣсь святые херувимы и серафимы, святый Михаилъ нынѣ и въсѣй вселенныя, по нихъ же полки держитъ святый Нетръ, палицу держа, здѣсь рождество Предтечи, здѣсь тебѣ, дьяволе, нѣть части и участія, мѣста и покою. Не дѣлай накости, дьяволе, всему мѣсту, и дому, и человѣку, и скоту, и всѣмъ рабамъ Божиимъ, бѣги отсюда въ адъ кромѣшный, гдѣ твой настоящій пріютъ, и тамо да обрѣтайся. Слово мое крѣпко, яко камень. Аминь. Аминь. Аминь.

Заговоръ отъ змія, летающаго къ женѣ въ домѣ: Во всемъ домѣ, гильо-магать—сидѣла Солнцева дѣва. Не теремъ златой—шингафа—искала дѣва, не богатырь могучъ изъ Новагорода подлетать, огненный змѣй. Лифъ, лифъ зауцана, халапуда. А броня не мѣдяна, не злата, а ширишки на немъ не жемчужены, а плечъ на немъ не изъ краснаго уклада, а колена стрѣла не изъ лѣдовскаго ларца. Ницано фукадалимо каройтальма канашо. Полканъ, Полканъ, разбей ты огненнаго змѣя и соблюди дѣвичью красу Солнцевой дѣвы. Вихадимо гиало магать-дирафъ. Изъ-за Хвалынского моря летѣть огненный змѣй во дальнию деревушку по синему небу, во теремъ къ дѣвѣ: могучъ богатырь — Шнялда-Шибула качила баранчико дойцоха караша дина. Во малиновомъ саду камка волжская, а на камкѣ дѣва мертвая со живой водой, съ лютой свекровью, со злымъ свекоромъ. Убить огненный змѣй разсыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору Муромскому, по мельянной росѣ, по утренней зарѣ. Яниха шойдега бираха вигло. А наѣхать злой татаринъ и взять во полонъ Солнцеву дѣву во Золотую Орду, ко лютому Мамая, ко нехристу басурманскому, ко проклятому Барходею. Уяхама широфо.

Призываніе домового на новоселье: При переходѣ на житѣе въ нововыстроенный домъ, раскланиваясь на всѣ 4 угла избы, говорять: „Хозяйнушка, господинъ, пойдемъ въ

новый домъ, на богатый дворъ, на житье, на бытье, на бога-
чество!"

Заговоръ охотницкій. Для успѣха на охоту: Въ чистомъ
полѣ, въ темномъ лѣсѣ, въ туманѣ превеликомъ есть птица
попетуша, есть сѣрые гуси и сизыя утки. У нихъ бы крылья
подломились, сами бы опустились, перье оборвалось и сѣли
бы на бугоръ высокій, чтобы меня раба Божія (имя рекъ) не
видѣли и стрѣльбы моей не слышали и налетѣла бы на нихъ
дробь, какъ вольное перо.

Заговоръ на уженье рыбы. Чтобы на удочку попадалась
крупная рыба, поймавши маленькую рыбку, сѣкнуть съ при-
говоромъ: „Пошли отца, пошли мать, пошли тетку, пошли
дядю и т. д.“. Пускаютъ обратно въ воду, освободивъ отъ
крючка.

Заговоры отъ пьянства. Во имя Отца и Сына и Св. Духа.
Аминь. Хмель и вино отступись отъ раба Божія такого-то въ
темные лѣса, гдѣ люди не ходятъ и кони не бродятъ и птица не
летаетъ. Во имя Отца и Сына и Св. Духа (дважды). Хмель и вино,
выходи на быструю воду, на которой водѣ люди не ъздятъ. Отъ
раба Божія (такого-то) хмель и вино поди на буйный вѣтеръ,
который вѣтеръ по дальности ходить. Во имя Отца и Сына
и Св. Духа. Привяжись къ лихому человѣку, который (на та-
кого-то) лихо думаетъ. Къ тому привяжись, который добра
не сдѣлаетъ. Отъ меня во вѣки отвяжись. Во имя Отца и
Сына и Св. Духа. Аминь.

Отъ запоя: Заря зарница, красная дѣвица, сама мати и
царица, свѣтель мѣсяцъ, ясныя звѣзды, возьмите у меня
безсонницу, бездремотницу, полуночницу. Среди ночи приди
ко мнѣ хоть красной дѣвицей, хоть матерью царицей и сло-
жи съ меня окаянную силу и дай мнѣ Спасову руку, Бого-
родицынъ замокъ. Ангель мой, архангель мой, сохрани душу
мою, скрѣши мое сердце, врагъ сатана откажись отъ меня.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Знаю святыя знаменья.

Отъ похмелья: Господине еси хмель, буйная голова. Не вѣйся внизъ головою, вѣйся посолонь, гдѣ тебя не знаю, гдѣ ты живешь, верхъ сыра древа, лѣзи къ своему господину въ мѣдныя бочки пивныя, какъ ни жить на огнѣ, такъ на семь человѣцѣ, лихія словеса (имя рекъ). Аще и зашьешь чашу сю, доколѣ мои словесе изъ меня всѣ изопили, изъ его раба Божія (имя рекъ) похмелье, господине хмель, какъ царь сядеть во царствіи своемъ: тако и ты сиди на мѣстѣ своемъ, гдѣ родился!

Заговоры отъ болѣзней. **Отъ лихорадки:** На горахъ анонскихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ стоять тринадесять старцевъ со старцемъ Пафнутиемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадесять дѣвицъ простоволосыхъ, простопоясныхъ, и рече старецъ Пафнутий съ тремя надесять старцами: кто сей къ намъ идоша? И рече ему двѣнадесять дѣвицы: Есть мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутий своимъ старцамъ: сломите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зари утреннихъ, по три зари вечернихъ. Взмолились двѣнадцать дѣвъ и не почто же бысть ихъ молѣба. И начаша ихъ старцы, глаголя: ой, вы еси двѣнадесять дѣвицы! будьте вы трясущици, водяницы, разслабленныя и живете на водѣ студеницѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте. Побѣгоща 12 дѣвицъ къ водѣ студеницѣ, тресунициами, водяницами, разслабленными. — Заговариваю я раба (такого-то) отъ изсушенія лихорадки.

Отъ зубной боли: 1) Мѣсяцъ ты, мѣсяцъ, серебряны рожки, златныя твои ножки. Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака, моя скорбь не мала, не тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенесть. Вотъ зубы, вотъ два, вотъ три—всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣ-

сяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня свою скорбь. 2) Иду я не улицею, не дорогою, а по пустымъ переулкамъ, по оврагамъ, по каналамъ. Навстрѣчу мнѣ заяцъ. Заяцъ, ты заяцъ: гдѣ твои зубы? Отдай мнѣ свои, возьми мои. Иду я не цутемъ дорогою, а сырымъ боромъ, темнымъ лѣсомъ. Навстрѣчу мнѣ сѣрый волкъ. Волкъ, ты сѣрый волкъ, гдѣ твои зубы? Вотъ тебѣ мои зубы, отдай мнѣ свои. Иду я не землею, не водою, а чистымъ полемъ, цвѣтнымъ лугомъ. Навстрѣчу мнѣ старая баба. Старая ты баба, гдѣ твои зубы? Возьми ты волчыи зубы, отдай свои выпалые. Заговариваю я зубы крѣпко-на-крѣпко у раба (такого-то), по сей день, по сей часъ и на вѣки вѣковъ.

Заговоръ отъ грыжи и отъ слазу: Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Сходитъ Егорій съ небесъ по золотой лѣстницѣ, сносить Егорій съ небесъ триста луковъ златоно-лосныхъ, триста стрѣль златоперыхъ и триста тетивъ злато-полосныхъ, истрѣляеть и отстрѣливаеть у раба Божія (такого-то) уроки, прикосы, грыжи, баенной нечисти и отдаваетъ черному звѣрю, медвѣдю, на хребеть: и понеси, черный звѣрь, медвѣдь, въ темные лѣса, въ зыбучія болота, чтобы въ вѣкъ не бывала ни въ день, ни въ ночь, во вѣки вѣковъ, аминь (три раза произносить и сплевывать трижды за каждымъ разомъ).

При родахъ: Бабка, входя въ дверь, къ больной говорить: „Отпирайте, отпирайте! Отперли, отперли. Запрягайте, запрягайте! Поѣзжайте, поѣзжайте! Поѣхали, поѣхали! Ъдуть, ъдуть!“ Послѣ этого бабка беретъ квашню, замѣшиваетъ въ ней ржаное тѣсто и приговариваетъ: „Я тебя, квапиночка, творю съ вечера до утра; тако бы рабицѣ Божіей (имя рекъ) мучиться одинъ часокъ минутный“. Послѣ этого даетъ больной принимать это тѣсто съ ложки. Если это не помогаетъ, тогда бабка шепчетъ на воду: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа: изъ города Іерусалима идетъ Іисусъ Христосъ, Мати родила Сына, Іисуса Христа, не болѣвшіи, не стонавши, и люди не слыхавши“—и даетъ эту воду пить родильницѣ.

Заговоръ отъ вси^{хъ} недуговъ. Заговариваю я у раба Божія (такого-то) 12 скорбныхъ недуговъ: отъ трясовицы, отъ колючки, отъ свербежка, отъ стрѣльбы, отъ огневицы, отъ колотья, отъ дерганья, отъ морганья, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты, злая трясовица, уймись, а не то прогляну въ тарь-тарары. Ты, неугомонная колючка, остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли. Ты, свербежъ, прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей водѣ; ты стрѣльба — а не то засмолю тебя въ смолѣ кипучей. Ты огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами. Ты, ломотье, сожмись, а не то сокрушу тебя о камень. Ты, колотье, притупись, а не то распилю тебя на мелкія частички. Ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою платину на мельницѣ. Ты, морганье, окрутись, а не то въ печи баний за-сушу. Ты, слѣпота, скорчись, а не то утоплю тебя въ лентю. Ты, глухота, исчезни, а не то засмолю тебя въ бочку и поморю пущу. Ты, черная немочь, отважись, а не то заставлю воду толочь. Всѣ недуги откажитесь, отважитесь, удалитесь отъ раба (такого-то) по сей часъ, по сей день, по его жизнь моимъ крѣпкимъ словомъ.

Заговоръ отъ болѣзней и падежа скота. Владыко Господи, Боже нашъ, власть имѣя всякой твари, Тебѣ молимъ, Тебѣ просимъ, якоже благословилъ и умножилъ еси стада патріарха Іакова, благослови и стадо скотъ сихъ (такого-то) и умножь и укрѣши, сотвори его въ тысячу кратъ и избави его отъ насилия діавола и отъ инонлеменническаго напечествія, отъ плѣненія звѣремъ и всякаго навѣта враговъ, и отъ воздуха смертнаго, и губительнаго недуга, и повѣтреннаго падежа, и отъ звѣря хищнаго, и отъ гадины ядовитой. Огради его, ангелы Твоими святыми всякую немощь, всякую зависть и искушеніе, чаровства же и волшебства отъ дѣйства находящійся дьявольскаго отгоняй отъ него, яко Твое есть царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Св. Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Заговоръ на торговлю: Дѣла. Господи, рекъ еси пречистыми уста Своими, яко безъ Меня не можете творити ни-что же. Господи мой, Господи, вѣрою объемъ души нашей, помози мнѣ грѣшному, рабу Божію (такому-то) сю нашу жизнь торговлею, въ куплѣ, въ продажѣ, и мѣняльствѣ и во всемъ. Ты, Владыко, Господи, Самъ ее соверши во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Святой архангель Михаилъ, во Твое святое имя торгуемъ, спаси, сохрани и благослови своими святыми молитвами раба Божія (имя рекъ) начати и соверши счастливую и благополучную торговлю. Во имя Отца и Сына и Св. Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Заговоръ на подходъ къ начальству. 1) Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его. Коль быль царь Давидъ смиренъ и кротокъ и милостивъ, такъ бы были у меня, раба Божія (такого-то), всѣ начальные чиновные люди и судьи праведные смиренны, кротки и милостивы. 2) Господи благослови Отче, одѣясь свѣтомъ, яко ризою, покрывся облакомъ, препояшуся поясомъ Пресвятая Богородицы, милостивыя заступницы. Свяжи уста и языкъ и гортань у князей, и у бояри, и у правители, и у всякихъ властей и у приказныхъ служителей.

Заговоръ дѣвицъ, желающихъ замужъ. „Пресвятая Мати, Богородици, покрои мою голову краснымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ“ (произносится въ церкви въ праздникъ Покрова Пресв. Богородицы, 1-го октября). Или же молятся такъ: „Батюшка Покровъ, мою голову прикрой краснымъ повойникомъ, золотымъ подзатыльникомъ“. Въ день великомученицы Параскевы, нареченной Пятницею, 28 октября, какъ и въ день Покрова, дѣвушки молятся: „Пятница Парасковея, пошли жениховъ поскорѣе“.

Заговоръ на покражу. На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ желѣзный сундукъ, а въ желѣзномъ сундукѣ

лежать ножи булатные. Подите вы, ножи булатные, къ такому-то къ сякому-то вору, рубите его тѣло, колите его сердце, чтобы онъ, воръ, воротилъ покражу (акого-то), чтобы онъ не утаилъ ни синя пороха, а выдалъ бы все сполна. Будь ты, воръ, проклять моимъ сильнымъ заговоромъ въ землю преисподнюю, за горы Ааратскія, въ смолу кипучую, въ золу горючую, въ тину болотную, въ плотину мельничную, въ домъ бездонный, въ кувшинъ банный. Будь прибитъ къ притолкѣ осиновымъ коломъ, изсущенъ суще травы, замороженъ пуще льда; окривѣй, охромѣй, ошалѣй, одеревянѣе, обезручѣй, оголдѣй, отощай, валяйся въ грязи, съ людьми не свыкайся и не своей смертью умри.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Cmp</i>	<i>Cmp</i>
Предисловіе	5	5
ГЛАВА I.		
Что такое повѣрія, суевѣрія, предразсудки и т. д. Какъ они возникли и развились Повѣрія и мошенничество	21	53
ГЛАВА II.		
Значеніе повѣрій. Вредъ отъ нихъ. Совѣты, какъ противостоять имъ	21	53
ГЛАВА III.		
Взглядъ на нѣкоторыя суевѣрія. Лѣшій, домовой, вѣдьма, русалки, оборотни и т. п.	31	53
ГЛАВА IV.		
О гаданіяхъ. Знахарство. Заговоръ	40	59
ГЛАВА V.		
З А Г О В О Р Ы.		
Отъ порѣза, заговорить кровь	51	6
Заговоръ дѣвицы отъ тоски	52	6
Заговоръ отъ задумчивости и печали	—	6
Заговоръ отъ ратнаго оружія	—	6
Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну	—	6
Заговоръ молодца на любовь красной дѣвицы	—	53
Заговоръ на разжаленіе дѣвичьяго сердца	—	53
Заговоръ для присухи мужчины	—	53
Заговоръ на привлеченіе парня	—	53
Заговоръ на остуду между молодцемъ и дѣвицей	—	53
Заговоръ на остуду между мужемъ и женой	—	53
Заговоръ на разлученіе	—	53
Заговоръ отъ нечистой силы	—	53
Заговоръ отъ змія, летающаго къ женѣ во дворъ	—	53
Призываніе домового на новоселье	—	53
Заговоръ для успѣха на охотѣ	—	53
Заговоръ на уженье рыбы	—	53
Заговоръ отъ пьянства	—	53
Заговоръ отъ запоя	—	53
Заговоръ отъ похмелья	—	53
Заговоръ отъ болѣзни лихорадки	—	53
Заговоръ отъ зубной боли	—	53
Заговоръ отъ грыжи и слазу	—	6
Заговоръ при родахъ	—	6
Заговоръ отъ всякихъ недуговъ	—	6
Заговоръ отъ болѣзни и надежка скота	—	6
Заговоръ на торговлю	—	6
Заговоръ на подходъ къ начальству	—	6
Заговоръ дѣвицѣ, желающихъ выйти замужъ	—	6
Заговоръ на поправку	—	6

